

№3

Март 2022

ТУСЕСКИЙ КЛУБ

 ВТБ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

И.о. главного редактора
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№3 (197)
Март 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«**რუსული კლუბი**»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «ПАРУС НАД ТОБОЙ, ПОДНЯТЫЙ СУДЬБОЙ...»
НИНА ШАДУРИ
- 11 «ЧТО МЫ БУДЕМ ДЕЛАТЬ, ГЕЛЬВЕР?»
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 15 «ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ СРАЗУ – И ЛЮБОВЬ, И ПОЭЗИЯ...»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 22 «...ЛЮБОВЬ, И ШАНСОВ НИКАКИХ»
АЛЕКСАНДР КАБАНОВ
- 26 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 34 СИМФОНИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ СОЛИКО ВИРСАЛАДЗЕ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 40 ВЛЮБИВШИЙ ГРУЗИЮ В ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ
НОДАР МАЙСУРАДЗЕ
- 44 МОЙ ДРУГ ГОГА ПИПИНАШВИЛИ
ЛЕВОН УЗУНЯН
- 47 «ПРОТИВ НЕБА – НА ЗЕМЛЕ»
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 50 ПЕРВОПРОХОДЦЫ, ПРОСВЕТИТЕЛИ, ПРОФЕССИОНАЛЫ
ЛЮДМИЛА РАЕВА

На обложке: Крепость Нарикала

от а до

Роб АВАДЯЕВ

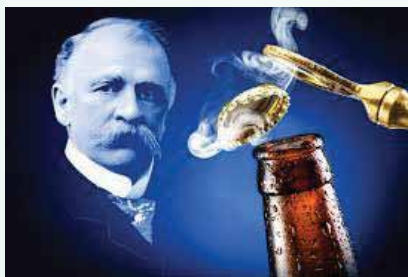
ЧЕРНЫЕ ПРОТИВ БЕЛЫХ

В первые дни весны 1302 года в прекрасной и высококультурной Флоренции произошел государственный переворот – по справедливости, не такая уж редкая напасть в этом городе-государстве. К власти пришло правительство, где большинством стали так называемые «черные гвельфы» – представители партии, яростно поддерживающей Папу. А их соперники «белые гвельфы», объединившие умеренную аристократию и осколки партии гибеллинов, больше склонялись к признанию власти императора. В итоге радикалами были заочно приговорены к смерти 15 вождей «белых», в том числе и Данте – великий итальянский гений эпохи Возрождения, автор «Божественной комедии». Он отправился в изгнание и никогда так и не вернулся в родной город. Борьба этих двух древних непримиримых политических сил нашла отражение не только в его творчестве, но и у бесчисленных авторов последующих веков. Между прочим, у Шекспира в его «прежалостной» трагедии «Ромео и Джульетта» про двух несчастных влюбленных, семейства Монтекки и Капулетти представляют именно эти две противоборствующие стороны. А иначе с какой стати они все никак «не хотят унять кровопролития»?

ОТКУПОРИ БУТЫЛКУ

Ровно 120 лет назад, а именно в 1902 году, американский изобретатель Уильям Пейнтер из Балтимора получил патент № 468258 на металлическую бутылочную пробку с пробковой прокладкой, служащей для герметичного запечатывания стеклянных бутылок. Она называется кроненпробка – то есть корончатый колпачок. Первые такие пробки имели «корону» из 24 зубцов, но теперь, при автоматизированном закрывании бутылок, кроненпробки имеют 21 зубец. Это изобретение оказалось удивительно удачным, и в дальнейшем Пейнтер основал фирму «Crown Cork and Seal Company». На сегодня это один из мировых лидеров по производству таких пробок. Ими с тех пор и до сего времени закупоривают пивные бутылки. И теперь каждый мужчина перед телевизором во время футбольного матча, не имея под рукой открывалки, в предвкушении удовольствия от глотка холодного пива, может с шиком откупорить бутылочку даже об край стола, царапая полировку. Жены сердятся...

СОЗДАТЕЛЬ «СКАЗКИ СКАЗОК»

В середине шестнадцатого века в городе Неаполе на берегу лазурного залива в небогатой дворянской семье родился мальчик Джамбаттиста Базиле. Мальчик как мальчик, которого ожидала, как бывает, непростая жизнь. Действительно, поначалу он был наемным солдатом, а затем офицером в войске Венецианской республики, придворным стихотворцем, устройтеlem маскарадов князя Луиджи Карафа ди Сильяно и даже управляющим крупными имениями. Но был он человеком непрактичным, бескорыстным и порядочным, посему и не разбогател на таких «хлебных местах». Через его руки прошли огромные деньги, но домой в Неаполь он вернулся бедняком, только с ничего не значащим титулом Палатинского графа, пожалованным герцогом Гонзага. Потом Джамбаттиста помогал в карьере своей сестре – известной певице, писал ей романсы. А после его смерти вдруг обнаружилась настоящая жемчужина итальян-

ской литературы – «Пентамером, или Сказка сказок». Именно благодарная сестра издала этот пятитомный сборник сказок, написанных в стиле барокко, представляющий собой свод народных южно-итальянских сказаний и оригинальных сюжетов самого Базиле. Оставленная в рукописи книга обеспечила ему бессмертие, ведь именно его сказки легли в основу творчества Шарля Перро, братьев Гримм и Карло Гоцци – в фантазиях Джамбаттиста Базиле появились на свет и Золушка, и Спящая красавица, и Кот в сапогах.

ЮБИЛЕЙ ЗУРАБА СОТКИЛАВА

В мартовские дни вся Грузия будет вспоминать выдающегося певца Зураба Лаврентьевича Соткилава, со дня рождения которого исполняется 85 лет. Он родился в Сухуми в интеллигентной семье 12 марта 1937 года. Этот неординарный и безмерно талантливый человек прожил большую и яркую жизнь. Он был спортсменом-футболистом, не продолжившим спортивную карьеру из-за полученной травмы, по образованию – горным инженером, окончившим ГПИ, а после была консерватория. Причем поступил он на первый курс Тбилисской консерватории имени В. Сараджишвили параллельно с последним курсом Политехнического. Поначалу педагоги решили, что у него баритон, но после его педагог, знаменитый певец Д.Я. Андгуладзе, открыл у Соткилава редкостный лирико-драматический тенор. Далее молодого певца ожидал сплошной успех – победы в престижных конкурсах, оперные партии в постановках разных театров, свыше двадцати исполненных ролей в классических операх, большая концертная деятельность, выступления на самых знаменитых сценах мира, многочисленные награды и премии. А также преподавательская деятельность. Зураб Соткилава был бессменным

солистом Большого театра, Народным артистом Грузинской ССР, Народным артистом СССР, Кавалером грузинского ордена Чести (трижды) и многих орденов Советского Союза и РФ. Вся Грузия с благодарностью хранит память об этом выдающемся и талантливом человеке.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ КАТАКЛИЗМ

В теперь уже далеком 1982 году все трепетные, эмоциональные и легковверные ожидали неизбежного конца света или чего-то еще более кошмарного. Как некоторые недавно ожидали столкновения с Землей загадочной, но страшной и ужасной планеты Нибиру – которую, как уверяли астрономы, они бы увидели заранее, еще за несколько лет, если не десятилетий. Но люди не успокаивались, как и сорок лет назад. Тогда все со страхом ожидали грядущего Парада планет – это такое астрономическое расположение спутников нашего светила, когда они выстраиваются в более или менее прямую линию. Так вот, эти самые наугавшие считали, что силы тяготения планет сложатся, многократно усилятся и наступит какой-то вселенский бабах. Какой именно – никто не подозревал, но ожидали его с трепетом. Об этом писали статьи, пели песни, снимали кино, а... ничего не произошло. То есть совсем ничего. Ибо, вопреки невероятному количеству слухов и предчувствий, этот Парад прошел без всяких катаклизмов. Даже обидно как-то стало...

МОЛОТОМ ПО НАЛОГАМ

Сборщиков налогов, или, по старинному, мытарей, не любили никогда и нигде. Отдавать «кровное» очень не хочется и теперь. Но нынче люди смирились, ведь, как говорил Бенджамин Франклин (кстати, перефразируя Даниэля Дефо – автора Робинзона Крузо), «в жизни неизбежны две вещи – смерть и налоги». А вот в прежние века в это верилось с трудом. И подчас непомерные налоги заставляли людей браться за топоры... или молоты, как в Париже в далеком 1382 году. Тогда официально правил юный тринадцатилетний король Карл VI, а правильнее сказать – приближенные и его мамочка – в стиле «кто во что горазд». Воровство и коррупция были страшные. И, естественно, денег в казне не хватало. Традиционный выход нашли быстро – поднять налоги. Народ же, в год помазания нового монарха, напротив, ожидал отмены некоторых налогов. Когда же до народа дошли слухи, что дядюшка юного короля ограбил королевскую сокровищницу для войны, и народу нужно попросту «скинуться» по одному из каждых 12 денье на восстановление ущерба – накаленная обстановка и «рванула». Все началось с одной бабушки – торговки салатом. Какой-то неумный сборщик налогов на базаре стал требовать у нее эту самую 1/12 долю дневного заработка. Старушка в крик, бросившись ей на помощь соседи намяли бока сборщику и городской страже. А потом все – поденщики, мелкие торговцы, подмастерья и городская беднота вооружились молотами и пошли крушить все направо и налево. Восставших назвали майотенами (молотобойцами). Они принялись жечь дворцы знати, дома и лавки богатых торговцев, грабить винные склады и прочее, прочее, прочее. Истории городских бунтов имеют очень похожие черты во все времена. Только в случае с майотенами досталось не только сборщикам налогов и их семьям, но и евреям – был учинен свирепый погром их домов. Угмонить бунтующее население удалось не сразу, потребовалось несколько недель. Естественно, после случились и репрессии. Зачинщики расстались с жизнью. Но еще 25-30 лет король все же не решался поднимать налоги.

ДРУГ СЕРДЕШНЫЙ КАТЕРИНУШКА

В первом браке Петр Первый был несчастлив. Его – шестнадцатилетнего, активного, жаждущего действий и знаний, женили на девушке, совершенно чуждой ему по духу, характеру и взглядам, мечтавшей о спокойной, тихой и комфортной жизни в царских теремах. В итоге бедная Евдокия через какое-то время отправилась доживать свой горький век в монастырь, а молодой царь погрузился с головой в работу, войны, постройку новой столицы и флота, в кутежи со сподвижниками и, после разрыва с постоянной пассией Анной Монс, кратковременные романы с многочисленными красавицами. Но в одном из военных походов в плен к русским попала красивая девушка Марта Скавронская, которая, пройдя через брак с простым солдатом, затем знакомство с фельдмаршалом Шереметьевым и ближайшим другом царя, веселым Алексашкой Меншиковым, была представлена самому Петру Алексеевичу. Да так и

осталась в его жизни до конца, сначала метрессой, так тогда называли любовниц, потом гражданской женой и матерью его детей, а после и императрицей. Только теперь ее звали Екатерина Алексеевна Михайлова. Ровно 310 лет назад в 1712 году в Санкт-Петербурге в первоначальном храме Святого Исаакия состоялось венчание Екатерины и Петра. Монарх женился на простолюднке – это было неслыханно! Глухо ворчал священство и царская родня, но Петру было все равно. Чтобы хоть как-то сохранить приличия, он женился не как царь, а как контр-адмирал, то есть частное лицо. Рожденных до брака дочерей, четырехлетнюю Аню и двухлетнюю Лизу, обвели вместе с родителями вокруг аналая, и они стали «привенчанными», то есть законными. После была четырехдневная свадьба. Кстати, без петровских буйных попок. Все было чинно, с хорошим угощением, дорогими винами, и никого не принуждали пить в безумном количестве. А также были танцы, фейерверки, и был заложен 60-пушечный корабль, названный в честь Екатерины. Бывает, что золушки иногда становятся царицами. Это «жениться по любви не может ни один, ни один король», а русский царь очень даже может...

«Веселая хроника опасного путешествия»

«ПАРУС НАД ТОБОЙ, ПОДНЯТЫЙ СУДЬБОЙ...»

■ **Нина ШАДУРИ**

Вечный вопрос: «что остается от сказки потом – после того, как ее рассказали?» Что остается от жизни человеческой – с ее страстями и горестями, победами и поражениями, разочарованиями и надеждами? Одно из двух: забвение или память. Благодарная память или совсем другая: по делам и поделом... Композитора Александра Басилая вспоминают с благодарностью, радостью, нежностью. Его необыкновенная, неповторимая, светлая музыка продолжает звучать, она все так же любима. Его песни – как чудесная эстафета: уже давно перешли от певцов старшего поколения к самым юным исполнителям. У этих мелодий появляются новые поклонники, которые будут слушать их всю жизнь и передадут любовь к этой музыке своим детям. Так же, как это сделали мы. За примерами далеко идти не придется. Кто из нас не узнает чудесную мелодию «Арго» с первых же аккордов?

11 марта Александру Ба-

силая, заслуженному деятелю искусств Грузии, Народному артисту Грузии, Почетному гражданину Тбилиси, автору знаменитых мюзиклов, популярных песен, музыки к художественным и мультипликационным фильмам, исполнилось бы 80 лет.

Ансамбль «Иверия», основоположником и бессменным руководителем которого был Александр Басилая, на протяжении десятилетий оставался визитной карточкой Грузии. Его песни по-прежнему – одно из счастливых связующих звеньев между людьми, между поколениями, между странами. Может ли быть более весомое и значительное достижение у композитора, вообще – у творца?

Александр Басилая окончил музыкальный техникум и Тбилисскую консерваторию по классу контрабаса. Начиная с 1963 года, работал с солистами и ансамблями как аранжировщик и сам выступал на эстраде в качестве аккомпаниатора. А музыкаль-

ное сотрудничество началось ни много ни мало с «Орэра». Руководитель ансамбля Роберт Бардзимашвили часто поручал аранжировки песен молодому музыканту Бутхузу Басилая (так называли Александра близкие и друзья). Потом последовала работа с Лили Гегелия, популярной певицей, заслуженной артисткой Грузии (впоследствии – народной). Затем, как-то незаметно и естественно, составилась квартет, в который вошли Гоги Леонидзе, брата Дзнеладзе и, разумеется, сам Басилая. Позднее к ним присоединились Вахтанг Татишвили, Джемал Багашвили, Лили Згваури, чуть позже из ансамбля «Цицинатела» перешли Теймураз Циклаури и Нугзар Квашали.

В 1968 году при Грузинской государственной филармонии был основан вокально-инструментальный ансамбль «Иверия» под руководством Александра Басилая. В то время, когда на эстраде безоговорочно царил «Орэра», никто даже и не подозревал о

том, что начинается новая эпоха в грузинской популярной музыке – эпоха Басилая.

В репертуаре «Иверии» – песни Георгия Цабадзе, Гии Канчели, Зураба Кирвалидзе, Реваза Лагидзе, Важи Азарашвили, Отара Тевдорадзе. Ансамбль обращается к грузинским народным песням, исполняя в современной манере, но при этом сохраняя их первозданную чистоту и уникальную гармонию. Аранжировки всех произведений делает Басилая.

Кстати, вдохновляться народной музыкой всегда было для него принципиально и естественно: «Полагаю, что подлинную самобытность языку любого из композиторов придает именно национальное начало в самом широком смысле этого понятия. Для меня важно воссоздание самого духа народно-песенного искусства, определенных, стереотипов национального ладово-гармонического мышления. Без данного стержня музыка, на какие бы новейшие технологические приемы она ни опиралась, какие бы новации из области модных течений и стилей ни ассимилировала, будет оставаться безлико-эклектичной».

Вскоре он пишет свою первую песню – «Сказка любви». Это был его дуэт с Луизой Кобаладзе – любимой супругой и верной соратницей, которая прошла с ним по жизни и эстраде без малого 50 лет.

«К сочинительству я пришел совершенно случайно, – объяснял композитор. – Работая в вокально-инструментальном ансамбле, занимался аранжировками песен других авторов. Но подчас для нашей группы в срочном порядке требовались,

Александр Басилая

скажем, медленная лирическая или быстрая танцевальная песня. Волею таких вот объективных обстоятельств я просто был вынужден сесть и попробовать написать песню нужного жанра. Написал одну – она получилась, затем написал другую, третью, а дальше пошло как-то само собой».

С самого начала ВИА «Иверия» демонстрировал такие мастерство, вкус, своеобразие и кураж, что молодых исполнителей направили представлять грузинское искусство на Декаде культуры Грузии в Эстонии. А вскоре состоялись и концерты в Москве – в то время это был главный экзамен на творческую зрелость, и ансамбль выдержал его блестяще.

Надо сказать, что концерты «Иверии» всегда были оригинальными – многие песни строились в жанре музыкального мини-спектакля. Первыми такими опытами стали шуточная грузинская народная песня «Чагуна» с хореографией выдающихся балетмейстеров Юрия Зарецкого и Гиви Одиакдзе, фрагмент из сказки «Бременские музыканты», драматическая сцена «История нашей Родины». А еще – миниатюра «Блоха и Муравей» по грузинской народной сказке и даже целый музыкально-пародийный спектакль «Муха-Цокотуха» по Корнею Чуковскому, где персонажи обрели современный

колорит, исполняя перепевки грузинских и цыганских песен, произведений Франсиса Лэя, Шарля Гуно, Феликса Мендельсона, Эдуарда Ханка, групп «The Beatles», «Boney M» и «Чингисхан».

Справедливости ради отметим, что в направлении музыкального спектакля одновременно с «Иверией» работали и другие советские ансамбли – «Поющие Гитары», «Песняры», «Ариэль», «Синяя Птица», рок-группа «Аракс». Но все-таки только «Иверия» прошла этот путь до победного конца, придя к созданию полноценных мюзиклов. Забегая вперед, скажем, что эти мюзиклы не только триумфально исполнялись на эстраде в десятках стран мира – по ним снимали музыкальные фильмы, ставили спектакли и даже цирковые представления!

Во второй половине 70-х музыканты начинают работать над постановкой мюзикла, который вскоре принесет им всесоюзную популярность – «Свадьба соек». Либретто по мотивам сказки Важа Пшавела написали Автандил Геловани и Джемал Багашвили, музыку, конечно, – Александр Басилая.

29 декабря 1982 года (еще одна круглая дата – сорок лет назад!) в Тбилиси состоялась премьера «Свадьбы соек». Через полгода солистка ансамбля Манана Тодадзе приняла участие

ВИА «Иверия»

в VII Всесоюзном конкурсе артистов эстрады в Москве, где исполнила песни из этого мюзикла и стала лауреатом. А уже через год в концертном зале «Россия» в Москве «Иверия» дала подряд десять (!) представлений «Свадьбы соек» (русские тексты написал Михаил Танич), и столица нашей тогдашней родины, простите, встала на уши от восторга.

При этом не будем забывать о парадоксе – автором всех хитов «Иверии» не был профессиональным композитором! «Учителей по композиции у меня не было, – признавался Басилая, – я окончил консерваторию по классу контрабаса. Зато всегда были любимые пианисты, кумиры среди исполнителей джаза, которых я помногу и с упоением слушал, в свое время старался копировать их манеру. Моими учителями были живая творческая практика, каждодневный труд импровизации и – слушание музыки».

«Свадьба соек» завоевала такую любовь и популярность зрителей-слушателей, что почти сразу же режиссер Евгений Гинзбург приступает к съемкам одноименного музыкального телевизионного фильма. Если кто не знает или подзабыл, режиссер, сценарист, лауреат премии международных кино- и телефестивалей, лауреат премии ТЭФИ «За личный вклад в развитие отечественного телевидения»

Евгений Гинзбург окончил режиссерский факультет Тбилисского театрального института, мастерскую самого Михаила Ивановича Туманишвили, народного артиста СССР. Работал режиссером в Главной редакции музыкальных программ Центрального телевидения СССР, специализировался на постановке эстрадных концертов и бенефисов. Кто не помнит великолепные телевизионные бенефисы Людмилы Гурченко, Ларисы Голубкиной и других прекрасных артистов, поставленные Гинзбургом! А «Новогодние аттракционы» в цирке на Цветном бульваре и в цирке на проспекте Вернадского в Москве? Их постановщиком тоже был Гинзбург. Между прочим, именно он снял программу о первых гастрольях группы «Boney M» в Москве. Однако запись телешоу «Вечер Boney M в Концертной студии Останкино», впервые показанная в апреле 1979 года, впоследствии была уничтожена.

И вот такой прославленный и опытный мастер с удовольствием откликается на предложение снять фильм на основе музыкального спектакля ансамбля «Иверия». Надо сказать, что бюджет картины, выделенный творческим объединением «Экран», был более чем скромным, и деньги быстро закончились. Финансирование съемок продолжалось из личных средств

Александра Басилая. В один из последних дней потребовалось снять важный эпизод с прыжком с шестиметровой высоты. Каскадер озвучил стоимость трюка: 75 рублей. У Басилая уже не было ни копейки, у Гинзбурга нашлось лишь 50 рублей. За такую сумму каскадер прыгать отказался, и... Гинзбург прыгнул сам. И сломал обе ноги. Но эпизод был снят, и прыжок отважного режиссера вошел в фильм.

Музыкальная картина «Свадьба соек» имела огромный успех на родине и за рубежом, получила международные призы, ее закупило для проката множество стран.

Почин оказался счастливым. «Парус, поднятый судьбой», как поется в легендарной песне «Арго», наполнился добрым попутным ветром, и – понеслось. За первым мюзиклом последовали новые: «Аргonautы», «Сказки снежной бабушки», «Пирсма-ни» месяцами не сходили со сцены Большого концертного зала в Тбилиси, собирая неизменные аншлаги.

Продолжилось сотрудничество и с Евгением Гинзбургом,

в результате чего были сняты телевизионный фильм «Веселая хроника опасного путешествия» по мюзиклу «Аргonautы» (русские тексты написаны Юрием Ряшенцевым) и музыкальный кинофильм «Остров погибших кораблей» с песнями Александра Басилая. Кроме того, композитор написал музыку к сериалу Е. Гинзбурга «Мамука». И, наконец, спустя годы, Гинзбург поставил в Москве цирковое представление «Свадьба соек».

Много чего интересного было в счастливой судьбе Александра Басилая и ансамбля «Иверия»: множество эстрадных песен, ставших хитами, музыка к десяткам художественных и мультипликационных фильмов, к спектаклю «Шлягер, шлягер и только шлягер!» в театре Сергея Образцова, многочисленные гастролы по Союзу и за рубежом, пластинки, выпущенные миллионными тиражами, грандиозный юбилейный концерт в 2002 году в концертном зале «Россия» с участием звезд грузинской и российской эстрады...

Как справедливо заметил певец, исполнитель роли Ворона в

С Евгением Гинзбургом

Луиза Кобаладзе

цирковом ревью «Свадьба соек» в Москве Владимир Ябчаник (увы, недавно ушедший из жизни), «Басилая ничем не хуже Уэббера. Просто в отличие от сэра Эндрю у него не было хороших промоутеров и соответствующей финансовой поддержки. К тому же он, как и всякий грузин, натура широкая».

А потом случилось то, что случилось. Настали годы разрухи и всяческих бедствий. Участники «Иверии» потихоньку пошли каждый своим путем. Басилая, многие годы проработавшего директором и художественным руководителем Государственного концертного зала, вынуждают уйти с должности. Увольнению предшествуют оскорбительные статьи в прессе...

Александр Александрович тяжело переживал удары судьбы. И, разумеется, они не могли не сказаться на его здоровье. 3 октября 2009 года, после долгой борьбы с мучительной болезнью, он скончался в Германии, где проходил лечение.

22 апреля 2012 года в концертном зале «Crocus City Hall» в Москве состоялся концерт «С Верой, Надеждой, Любовью», посвященный памяти Александра Басилая. Оцените состав участников: ансамбль «Иверия», Тамрико Чохонелидзе, Бесик Каландадзе, Нино Катамадзе, Зураб Доиджашвили, Эка Квалиашвили, Темур Татарашвили, Ирма Сохадзе, Сосо Павлиашвили, Тамара Гвердцители, Валерий и Константин Меладзе,

Диана Гурцкая, Кети Топурия, Лариса Долина, Иосиф Кобзон, Олег Газманов, Константин Райкин, Николай Расторгуев и группа «Любэ»...

Но, конечно, первый вечер памяти Маэстро прошел в Тбилиси. Под конец чудесного концерта на сцену поднялась Луиза Кобаладзе. Положила на одинокий рояль букет роз и впервые за 50 лет спела написанный для них Александром Басилая дуэт одна, без пары. Точнее, она пела со сцены, а любимый муж – с экрана. Когда-то он ей пообещал: «Я никогда тебя не брошу». Но не сумел сдержать слова...

Луиза и Александр познакомились в Ткибули. Они учились в одной школе, Бутхуз – тремя классами младше. На всех школьных концертах выступали вдвоем – Луиза пела, Александр аккомпанировал ей на рояле. Ему было 14, когда он объяснился Луизе в любви. Та только посмеялась над поклонником – мол, ты еще ребенок. Но влюбленный юноша не отступил, был настойчив в своих ухаживаниях, и Луиза, как сказал бы классик, вознаградила «любовью за любовь».

Вскоре оба оказались в Тбилиси. Она училась в Педагогическом институте имени Пушкина, он – в музыкальном техникуме, а затем – в консерватории. Родители с обеих сторон противились отношениям, им казалось – это может помешать учебе. И влюбленные не придумали ничего лучше, как потихоньку расписаться. А через три меся-

ца выяснилось, что Луиза ждет ребенка. Ну, тут, как в бразильском сериале, закипели страсти. Молодые-то помалкивали, а вот родственники, особенно со стороны юного мужа, – шумели вовсю. Луизе пришлось пройти через многое (может быть, именно поэтому она стала потрясающей свекровью для обеих своих невесток). Но прошло время, на свет появился маленький Анри, и все постепенно, так или иначе вошло в колею. Любовь, как поется в песне, всегда права.

Луизе и Александру не хватило совсем чуть-чуть, чтобы отметить «золотую» свадьбу...

Выпускник Тбилисского театрального института, Анри Басилая поначалу активно участвовал в деятельности отцовского ансамбля, замечательно пел. Но вот уже много лет, как он полностью отошел от пения и занялся живописью. Анри живет во Франции вместе со своей второй женой Тиной, дочерью кинорежиссера Миши Кобахидзе, и детьми. Он – успешный художник. Кстати, его первой супругой была Наташа, дочь Эльдара и Ариадны Шенгелая. Они поженились, еще будучи студентами – по большой любви. Прожили вместе пять лет, а потом – разошлись. Без всяких видимых причин, так бывает. Когда Анри покинул Грузию, Наташа еще двадцать лет жила в доме Басилая, где к ней всегда относились и относятся как к родной.

Сегодня калбатони Луизу радуют внуки и правнуки – род Басилая продолжается. Но все-таки, все-таки... «Говорят, время лечит, – с горечью признается она. – Это неправда. Меня оно не излечило. И ничего тут не поделаешь».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Юрий Ряшенцев: «Бутхуз (как и многие его друзья, именно так я называл Сашу Басилая), с его талантом, щедростью, тонкой душой, – это олицетворение Грузии. И как нас с Бутхузом невозможно было посорить, так нас с вами, россиянином и грузин, никто никогда не сможет рассорить. Как бы ни старался».

Лучше не скажешь.

«ЧТО МЫ БУДЕМ ДЕЛАТЬ, ГЕЛЬВЕР?»,

ИЛИ КАК ТЕАТР ГРИБОЕДОВА ПОСТАВИЛ ПСИХОДРАМУ О НАШЕЙ ЖИЗНИ

— **Анастасия ХАТИАШВИЛИ**

Ходить в театр в наши дни стало не то чтобы сложно, но как-то даже типа не вовремя, что ли. Не к месту, скажут некоторые. Мол, мир переживает одну из самых страшных пандемий, кругом бушуют военные конфликты, а вы – думаете о духовной пище.

Но нет! Впрочем, к месту и в самую точку!

Потому что те темы и проблемы, которые поднимает Тбилисский государственный академический русский драматический театр им. А.С. Грибоедова – это всегда предельно актуально, злободневно и прямо в сердце. Доказательство тому премьера февраля 2022 года – спектакль «Ночь Гельвера».

Эта пьеса польского драматурга Ингмара Вилквиста (псевдоним Ярослава Свержича), которая отсылает нас к 1930-м годам. Но даже спустя почти сотню лет после описанных событий она не перестала быть со-

временной, потому что те боли, слабости, то зло, к которому обращается Вилквист, оно, к сожалению, не пропало. Оно – тут. Спит. В шумных городах и тихих селах, в умах здоровых и больных, повсюду. А иногда пробуждается и сотрясает мир.

Кстати, Ингмар Вилквист, историк искусства, профессор Варшавской Академии изящных искусств, пьесы которого ставят на сценах всей Европы, в США и Латинской Америке, одно время руководил драматическим театром в Гдыне, где собирался сделать театр-лабораторию для узкого круга зрителей, но власти хотели шумных аншлагов и театра для массового зрителя.

Именно к этому тайному желанию автора и обратился на сцене Театра Грибоедова постановщик, главный режиссер Грибоедовского театра Георгий Маргвелашвили, который пригласил зрителя на сцену. В буквальном смысле.

Обычно и традиционно представления в Театре Грибоедова

проходят на сцене, а зритель сидит в зале. Но Маргвелашвили пошел иным, камерным путем. И сделал постановку с эффектом максимального присутствия зрителя. Актеры играли на сцене, окруженные зрителями, будто у них на ладони. Так публика была не просто ближе к главным героям, но и «внутри» самой истории.

Более того, таким показательным шагом режиссер будто говорит зрителю: я доверяю тебе, я нуждаюсь в тебе, а ты – во мне. И впускает зрителя в святая святых – в жизнь под названием Театр. У Маргвелашвили это получается прекрасно. В багаже у режиссера немало интересных психологических спектаклей, поставленных на сцене Грибоедовского театра – «Убить мужчину» Э. Радзинского, «Старший сын» А. Вампилова, «Игроки» и «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя.

Поразительна и работа художника Шота Багалишвили. Перед вами открывается, на

Гельвер – Бека Медзмаришвили. Фото Юрия Мечитова

первый взгляд, аскетично обставленная комната: стол, стулья, буфет с посудой, старый патефон, деревянный сундук, игрушки и абажур, нависающий над актерами, как дамклов меч или как прядь Медузы Горгоны, от близости которой на душе становится холодно.

На сцене всего два актера. Уставшая женщина Карла (Ирина Мегвинетухуцеси) и ее приемный сын Гельвер (Бека Медзмариашвили). Ну, как ребенок: ему лет 20, но умственная отсталость в развитии «отложила» его взрослость на потом, на несуществующее завтра. И обложила комнату молодого человека «с особенностями» оловянными солдатиками, а его мать – вечным страхом за хозяйку этих солдатиков.

«Что мы будем делать, Гельвер?» – постоянно повторяет Карла и делает все, чтобы не сойти с ума в этом безумном мире, в этой безумной жизни, за которую ответственна только она. За окном – беспредел, фашизм, откровенное зло, не признающее ни национальностей, ни возраста, ни религии, ни жалости, убивающее инвалидов и «нечистых». Кругом – бесконечная и пугающая ненависть к людям («Гильберт говорит, что узнает сволочей за километр, что слышит их по запаху...»).

Отчаяние, обреченность и дурное предчувствие присутствует на сцене, как отдельный, третий персонаж. Это сквозит во всем – в мрачном свете, визге окон, страшном грохоте с улицы, в грустной мелодии патефона и даже в грязном сундуке, поглотившем, как кашалот, старые вещи и воспоминания двух героев.

А ведь воспоминания – единственное светлое пятно в жизни Карлы. Мы понимаем это по улыбке на ее лице, когда она рассматривает фотографию ушедшего супруга. Любимого человека, который оставил Карлу наедине со своим горем.

Именно о причине этого горя и спрашивает Карлу Гельвер: «А где она, где она теперь, твоя девочка...?» И Карла, плача, рассказывает о своем женском несчастье, которое навсегда ее сломило, как насосом высосало из нее всю жизнь. Была де-

вочка, больная, «с уродливым ротиком», которая орала днями и ночами. А еще было одиночество, бездействие любимого мужчины, женская слабость и перемешанная с адской усталостью только кажущаяся нелюбовь к больному ребенку («Я хотела ее любить, но не могла»).

И как раскаяние – обретение чужого сына, такого чужого и такого близкого, близкого степенью своего безумия, такого притягательного и безнадежного. «Загубленная жизнь, загубленная жизнь... Святое. Святое терпение»...

Но одно слово «придурок», выскочившее из уст потрясенной матери, вдруг заводит ужасный механизм помешательства. Но вот что удивительно: в современных реалиях «безрассудство» Гельвера, давным-давно созданное польским драматургом, сегодня можно прочитать как обычный нервный срыв, и не больше. Мало ли таких случаев, думает современный зритель. У кого не срывает крышу?! У кого сегодня этих нервных срывов не бывает?

«Я один, один, – нервно кричит Гельвер, – потому что ты всегда на этой дурацкой работе, и я хожу к воротам, и жду, жду тебя, потому что уже не хочу быть тут один, и жду тебя на остановке, и снег, и жду, жду, и темно...» И мы его прекрасно понимаем, потому что у самих такое дома. Только смартфоны да интернет спасают от безумия.

И даже неловкая попытка Гельвера задушить свою мать кажется зрителю обычным примером домашнего насилия, сообщениями о которых нас ежедневно пичкают ведущие новости.

Но Карла не унимается: «Урод, орангутанг! Ты же знаешь, когда темно, из глаз лезут черви». На Карлу жалко смотреть: она прошла через преисподнюю – ведь мать, по своей вине потерявшая ребенка, это ходячий зомби. Ее сотрясает запоздалое понимание: «Видит Бог, что я все бы отдала, чтобы еще хоть раз увидеть ее уродливый родной ротик».

И тогда неистовая Карла идет на самый душераздирающий шаг: ведь все равно те не-

люди за окном скоро за ними придут («Скоро и твоя очередь, сволочь!») Мальчику остается только молиться Ангелу Божьему, а представить, что происходит в голове женщины, задумавшей такое, просто страшно.

«Фантастическая игра актеров Ирины Мегвинетухуцеси и Беки Медзмариашвили держит в таком эмоциональном накале, что ты забываешь обо всем, ощущение, что сейчас взорвется воздух. Это спектакль-событие, спектакль-откровение, спектакль, который надо смотреть. Нет, который надо смотреть ОБЯЗАТЕЛЬНО», – написала о «Ночи Гельвера» в Грибоедовском режиссер и продюсер Лариса Исаева.

И, действительно, Ирина Мегвинетухуцеси в роли Карлы – неподражаема. Внучатая племянница Народного артиста СССР Отара Мегвинетухуцеси, исполнительница более сорока ролей на сцене Грибоедова, она блестяще воплотила Карлу, утомленную тяжестью своих грехов, своей вины, которую уже нельзя искупить.

А у исполнительницы роли Гельвера Беки Медзмариашвили – вообще дебют на сцене Театра Грибоедова. И какой дебют! Ты веришь этому выпускнику Московского театрального института имени Бориса Щукина в момент каждого его заикания, каждого безудержного смеха и этого смертельного тумана в глазах от разноцветных сладких таблеток, которые настойчиво советовала проглотить любимая мать.

Удивляет и сам актерский дуэт, которому замечательно удалось передать тонкую связь матери и сына, жертвы и палачи, любви и смерти.

Артисты так мастерски сталкивают друг с другом мир юноши и разочарованной женщины, так мощно, так больно, что той зверской толпе «ликвидаторов» за окном даже не надо врываться на сцену, чтобы нас напугать – тут и без них кошмар, куда хуже фашизма. Самый жуткий сон наяву.

«Актеры демонстрируют не только высочайшую исполнительскую культуру, но и великолепный пример сценического партнерства. Спектакль, пове-

Гельвер – Бека Медзмаришвили

ствующий о взаимоотношениях двух самых близких друг другу людей, об их душевном состоянии, не оставит равнодушным даже самого хладнокровного зрителя», – пишет театровед, доктор искусствоведения, профессор, президент Международной ассоциации театральных критиков Лаша Чхартишвили.

Спектакль мастерски умеет на одной сцене, в одной постановке личную трагедию и трагедию вселенского масштаба, обнажает глобальное душевное уродство, принимающее разные личины, разные девизы, но всегда направленное против любви к людям.

Безысходная трагедия личности на стыке с трагедией общества не может не тронуть нерв. На таком психосеансе зритель испытывает эмоциональное потрясение, словно кто-то ворвался в его фобии и потаенные мысли, а потом беспощадно задушил слезами.

И все это – длиной в одну страшную ночь сплошного саспенса. Ночь шока – ночь Гельвера, которая в современном мире, увы, может повториться в

любую минуту с каждым из нас. И при этом само понятие войны на глазах зрителей неумолимо превращается из чего-то внешнего, социального во внутреннее, глубоко интимное – будто происходит в мире с нашего позволения, выворачивая в нас самих все силы добра и зла наизнанку.

Спектакль пронизан смыслами между строк, многослоен до психоза, нанизан на общую сюжетную линию горькими улыбками двух героев, их молчаливо кричащими одиночествами, «крестами», которые им приходится нести. Каждому – на свою Голгофу. А нам, зрителям, еще долго после такого впечатляющего финала его домысливать, доосмысливать.

Выходя из зала после спектакля я, по своей давней журналистской привычке, прислушиваюсь к словам зрителей. Знаю, не совсем этично. Потому что можно услышать кое-что и личное... Но слух обычно выбирает то, что нужно.

Одна женщина с высокой прической откровенно недоумевает: «И что они этим хоте-

ли сказать?..» А ее подруга, как мантру, повторяет: «Тяжелый спектакль, тяжелый, да...» «Потрясающе...» – медленно, по слогам произносит еще один зритель.

А мне на ум почему-то приходит фраза кинорежиссера Андрея Звягинцева, который говорил, что снимая свой фильм «Нелюб», он призывал к любви: «Это тот самый сигнал, когда тетива натягивается, и стрела летит в обратном направлении. Я вижу, как многие зрители, выходя после просмотра фильма, первым делом звонят родным. Мне хочется, чтобы люди, посмотрев картину, обняли своих близких. Чтобы они получили какой-то урок, увидели свои ошибки».

И если кто-то задумался, почему Грибоедовский поставил именно этот спектакль и почему именно сейчас, и, пресловутое, что хотел сказать автор, – уже хорошо, что родились такие вопросы. Значит, земля сотряслась, почва зашевелилась, и зерно обязательно прорастет.

Главное – искать ответы.

A portrait of Inna Bezirganova, a woman with short, wavy, reddish-brown hair, wearing a dark blue top and large hoop earrings. She is looking directly at the camera with a slight smile. The background is a dark, textured blue.

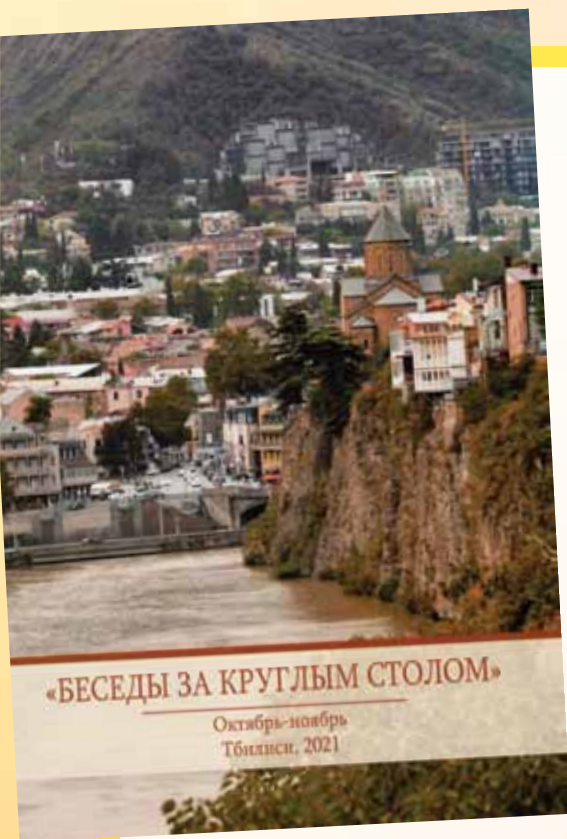
«ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ СРАЗУ – И ЛЮБОВЬ, И ПОЭЗИЯ...»

— Инна БЕЗИРГАНОВА

Участницей проекта «Беседы за круглым столом» – их недавно провел МКПС «Русский клуб» при поддержке Фонда «Русский мир» – стала поэт, драматург, член Союза писателей Москвы Елена Исаева.

Тонкий, глубокий, вдумчивый художник, она легко нашла общий язык с аудиторией, собравшейся в Малом зале театра имени А.С. Грибоедова. Во многом этому способствовало невероятное обаяние Елены Исаевой, уникальный дар вести диалог с каждым – на языке поэзии, и не только.

По окончании творческого вечера Елена Валентиновна ответила на несколько вопросов корреспондента «РК».

«БЕСЕДЫ ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ»

Октябрь-ноябрь
Тбилиси, 2021

– Елена, как изменился мир и что нас ждет впереди?

– Если отталкиваться от фантастики, которую мы все читали, то он будет не очень радостный. Я надеюсь, что люди возьмутся за ум и вынесут какой-то опыт из уже написанного великими фантастами, и мир будет следовать в духовную, гуманистическую сторону. В ближайшее время определится, куда мы идем. Потому что XXI век начался, наверное, в конце 2019 – начале 2020 годов, когда грянула пандемия. До того мы отживали состояние, которое было в XX веке. Я имею в виду мировоззрение, человеческие отношения, дружбу, общение. Все было еще тем, с чем мы родились и что понимали.

– А теперь ценности изменились.

– Да. Но это не значит, что было черное, а сделалось белое. Теперь происходит нечто не сравнимое. Как желтое и горячее, например. Мы вышвырнуты из наших привычных реалий. И если раньше многие понимали, по каким кочкам и островкам прыгать, то сейчас мы эти кочки просто не видим. Или они замаскированы. Люди не успевают адаптироваться. Молодежь, возможно, адаптируется легче. Но все равно это очень тяжело, огромная нагрузка на человеческую психику! Как

среди огромного потока информации, среди перемен, ежедневных, ежесекундных, удержаться и не потерять свою линию – поведенческую, мировоззренческую, философскую? Это очень трудно. Опорой всегда была религия. Сейчас она тоже есть, но какие-то ее постулаты вдруг отменяются. Удивлена, что консервативный и верующий Запад в то же время признает существование ста полов и прочее. Происходит дезориентация людей. Что значит: «Выбирай сам свой пол»? Ты рожден либо мужчиной, либо женщиной. Бог создал тебя тем, кто ты есть. Конечно, бывают генетические отклонения, но это совсем не большой процент населения. И идти в ту сторону – не просто против человеческих законов, а и против божественных. Но это почему-то выдается за прогрессивное, связанное с защитой прав населения. Я не философ, не аналитик и не знаю, куда это приведет. У меня ощущение, что это начало Содомы и Гоморры. Потому что самый большой процент рождаемости как раз там, где все более или менее консервативно. В Китае, например. Как была у них древнейшая философия, так и остается, китайцы ее не утратили по сей день. Наверное, новые веяния еще не так захватили Грузию и Россию. Тем не менее рано или поздно они к нам придут.

Помню, в Киеве когда-то издавался журнал «Культурное сопротивление». Да, раньше мы говорили о культуре, а теперь уже – о культурном сопротивлении. Вот в чем ужас! Моя подруга, драматург Ольга Михайлова, хорошо сформулировала: происходит конфликт цивилизации и культуры. Цивилизация пытается подавить культуру. Но тут надо понимать, что никакая цивилизация без культуры не выживает! Она, в конце концов, погибает и обрастает мхом. Потому что культура – это гуманистическое начало. Если каждый год в Пасху не будет загораться огонь, то в какую сторону мы пойдём? Даже у человека неверующего есть свои постулаты, законы, по которым он живет. Сейчас ощущение, что все законы отменены. Человек сам внутри себя принимает решение, по каким

законам он будет жить. А есть и такие, кто не принимает никаких решений и живет как придется. Я говорила со знакомыми из разных стран, и ситуация везде примерно одинаковая. Всех ждет некая глобальная перестройка.

В связи с возможностью активного цифрового общения мир, с одной стороны, абсолютно открылся: ты можешь в любой момент поговорить хоть с Северным полюсом, посмотреть любую информацию в Интернете. А с другой стороны, мир захлопнулся. Потому что человек может, не выходя из комнаты и ни с кем не общаясь, спокойно жить сам с собой. Пиццу ему принесут на дом, поработать и пообщаться он может в Интернете. Потребность в живом общении начинает понемногу атрофироваться. И я не знаю, что нас ждет. Выдержим ли мы это как род людской, или превратимся в роботизированных, упорядоченных, неживых при жизни?

– Вы сказали о конфликте цивилизации и культуры. Но ведь и наука в чем-то противостоит религии. К примеру, церковь выступает против ЭКО, хотя для многих женщин – это последняя надежда стать матерью.

– Думаю, необходимо идти навстречу друг другу. Слышала о существовании теории, что Бог научно доказан. Без его решения волосок с головы не упадет. Если что-то изобретено, значит, Он допустил. Мне кажется, именно так и происходит. В Европе с каждым годом уменьшается рождаемость, и если мы не будем об этом думать, нас всех... заменят.

– Но есть и противоположная проблема – перенаселение...

– Может быть, в ком-то генетически природой и заложены проблемы пола, чтобы не было перенаселения? Это люди часто со сложной судьбой. Тем более, если они верят в Бога. Но опять же – везде перегибы. В той же Европе данная тема слишком доминирует. Это как в случае с москвичами. Раньше их обвиняли в том, что они говорят про приезжих: «Понаехали!» Хотя коренные москвичи этих слов

никогда не говорили. А теперь уже приезжие говорят про москвичей: «Понаоставались тут! Валите на окраины, освободите нам центр!» Так говорят те, кто недавно обосновался в Москве. Все меняется...

– А как новые процессы отражаются в поэзии, литературе, искусстве? Например, та же пандемия?

– Казалось бы, пандемия – писательское время: сиди себе дома и пиши. Ничего тебя не отвлекает – ни творческие вечера, ни писательские тусовки. Но не писалось, не сочинялось. Ты сидишь дома вместе с любимыми людьми, но все равно понимание несвободы ведет к депрессии. Людям нужно осознать, что у них есть выбор. Если выбора нет, приходится очень трудно. У кого-то начинаются панические атаки, кто-то ругается и даже разводится. Так что почти всем литераторам не писалось... Какая-то загадка! Художественного полета, вдохновения не было.

– Вы четко разделяете – это ремесло, работа на заказ, а это – плод вдохновения, творчество?

– Безусловно, я нигде не халтуру. Я работаю на полную мощность, даже если это какая-нибудь женская история для телевизионного канала. Если нужно писать «Бедную Настю», я буду писать «Бедную Настю». И делать это перфекционистски. Если я пишу что-то для себя, то и тут стараюсь делать все на пять с плюсом, как бабушка велела – заслуженная учительница. Говоря о ремесле, я имею в виду, что если тебе что-то заказали и нужно сделать это в срок, то ты не имеешь права говорить об отсутствии вдохновения. Потому что это работа. Просто если у тебя есть еще и вдохновение, ты сделаешь гораздо лучше. Я читала письма Моцарта, в них он жаловался своему либреттисту на отсутствие денег, на то, что жена Констанция все время твердит: не на что купить свечей! А он был при этом суперпрофессионалом. Конечно, ему больше нравилось обсуждать с автором либретто «Волшебной флейты» Эмануэлем Шиканедером «Ца-

рицу ночи», но, если дома не было свечей, он писал сигнал для роты кирасиров или песенку для какой-нибудь богатой женщины ко дню ее рождения. Художник должен быть универсален и уметь все. Это я и внушаю своим магистрантам. Нужно уметь написать и сериал про Золушку, и экзистенциальную драму. Найти и там, и там сюжет, сквозное действие, героя, характеры.

– Вы поэт и драматург. В чем разница в работе над созданием стихов и написанием пьесы?

– Любой литературный текст – некое сообщение. Я сообщаю то, что считаю нужным, в том виде, какой для этого сообщения пригоден. И стихи, и драма – некая гармонизация сознания, времени, пространства вокруг себя. Попытка что-то выстроить, что-то понять, архетипизировать, «переплавить» в образ. Мир куда-то идет. С одной стороны – в упорядоченность. А с другой – в невообразимый хаос, где мы не видим никаких точек отсчета. Это совершенно другой мир, нам не понятный. Пока мы к нему не привыкли, не пристроились. Не знаем, что будет. Так вот, поэзия, литература для меня – тот островок, где можно расчистить место вокруг себя, выполоть бурьян, посадить цветочки и окучивать их.

– Даже когда пишете о негативных сторонах жизни?

После встречи со зрителями

– Традиция русской литературы – писать о негативных сторонах жизни. О чем гоголевская «Шинель»? О чем писал Достоевский? А все «маленькие люди» русской литературы? «На дне» Горького – это абсолютно вербатим, документальный театр. Потому что Горький хорошо изучил то, о чем писал, по ночлежкам собирал, по фразам записывал. Сейчас вербатим стал чуть ли не ругательным словом. Критическое отношение к нему возникло потому, что люди принимают за вербатим его профанирование. Если человек собрал интервью и прочел их со сцены, это еще не вербатим. Вербатим – это художественное произведение, построенное по аристотелевским законам. Там есть исходное событие, интрига, сквозное действие – все по теории драмы. Никто не придумал других законов, кроме аристотелевских. Если ты ими не пользуешься, то не держишь зрительское внимание. Какой бы ни был на сцене гениальный актер, через определенное время зал привыкает к нему. Он следит не за актером, а за мыслью, за борьбой взглядов, позиций, философий. Чем драма отличается от поэзии и прозы? В ней есть действие. Если его нет, то это проза, разложенная на реплики, как это часто бывает в инсценировках наших режиссеров. И я категорически против этого. Считаю, что инсценировать должен драматург, который помнит, что

Елена Исаева и Николай Свентицкий у могилы Нико Гомелаури

в произведение нужно ввести сквозное действие. Вербатим – это тоже способ написания художественного произведения. Ты набираешь много-много интервью на определенную социальную тему и потом начинаешь их соединять, резать, клеить, складывать пазлы. Мне не нужно ничего придумывать, я должна все взять из жизни и склеить таким образом, чтобы у меня получилась история, ее развитие, персонажи, сцены, взаимодействие, борьба. Сложнейший жанр! Потому что придумывать бывает легче, чем найти и скомпилировать материал.

– Вербатим – это соединение театра и журналистики?

– Да, и мне в этом смысле повезло. Я заканчивала журфак и легко адаптировалась к этому жанру – мне были знакомы инструменты сбора материала, я видела социальные проблемы и была готова с ними разбираться. Я же написала первый в России вербатим. Моей пьесой «Пер-

вый мужчина» открылся Театр.doc. Но в журналистике мне всегда не нравилась сиюминутность – я обдумываю, пишу статью, выверяю ее, согласовываю, а она живет один день. Газета вышла, статью прочли, и все забылось – словно волна морская унесла. Досадно. Труд как бы пропадает зря... Я всегда параллельно занималась журналистикой и литературой. Писала обычные пьесы – комедии, трагедии, к тому времени мной уже была написана «Юдифь». И когда начался вербатим, мне было безумно интересно, это было чем-то совершенно новым. Мы начали им заниматься в конце 1990-х - начале 2000-х. А вербатим всегда был и остается слепком времени. Хотя меня привлекали не только истории, но и язык. Вербатим мне был по-настоящему интересен тогда, когда я не могла предугадать конструкции фраз. Из трехчасового интервью иногда берешь только одну фразу, потому что все остальное банальщина, ты не

можешь вытащить из человека его нормальную речь, его реальную позицию. Он заводит свою пластинку и транслирует ее тебе. Нужно иногда несколько интервью по нескольку часов с одним и тем же человеком – пока собеседник не исчерпает все свои пластинки и не начнет тебе рассказывать что-то настоящее интересным языком. Вербатим на самом деле – сложнейшая технология. Набрать материал и так его скомпилировать, чтобы получилось действительно высказывание, тяжелее, чем придумать свой сюжет!

Этот жанр сейчас не популярен. Сегодня в моде Актуальный, Социальный театр. Но мне кажется, что это попытки «тех же щей, да пожиже влей». Попытки назвать по-другому то, что уже было сто раз. Надо же на чем-то делать хайп, привлекать внимание зрителей – вот и придумали «новое». Будет у нас бомж ходить по сцене, а мы молча за ним наблюдать. Но я могу пойти к Казанскому вокзалу и понаблюдать за ним там. Зачем для этого покупать дорогой билет в театр?

Сейчас еще популярно участие в спектаклях людей с ограниченными возможностями. Они играют вместе с артистами, и так, мол, происходит их социальная адаптация. Я совершенно не против, но такие проекты должно финансировать не министерство культуры, а министерство здравоохранения. Никогда даже самый гениальный даун не сыграет лучше гениального здорового актера. Актер – это профессия, которой учатся несколько лет. Ты можешь быть талантливым от роду, но, если ты не владеешь профессией, актером не станешь. Происходит девальвация профессии, низводится все до уровня: дескать, так умеет каждый. Нет, это неправда! Пушкин писал стихи, и мы тоже будем писать стихи... Не так вы будете писать стихи, не так, как Пушкин! Не надо врать самим себе и окружающим. На мой взгляд, это попытка умаления таланта и гения, возвеличивания себя за счет принижения авторитета. Низвержение авторитетов – очень страшная тенденция! Вспомним стихи Давида Самойлова: «Вот и все. Смежили очи

гении. И когда померкли небеса, Словно в опустевшем помещении Стали слышны наши голоса. Тянем, тянем слово залежалое, Говорим и вяло, и темно. Как нас чествуют и как нас жалуют! Нету их. И все разрешено». Не гении мы... Гении были они: Микеланджело, Шекспир, Чехов.

– Может быть, это от беспомощности? Неспособности сказать новое слово, выразить новые идеи?

– Я уверена: есть идеи, есть люди. Но они чаще всего себя не выпячивают, не популяризуют, сидят тихо. А кто-то, к примеру, не умеет писать стихи, но хочет влиять и занимать какое-то место. Явление повсеместное. Врачи, учителя, инженеры кричат криком – дилетантизм захватывает глобально все сферы. Но там еще можно что-то доказать: вы ведь не доверите ставить пломбу или делать операцию на сердце человеку с ограниченными возможностями, не учившемуся шесть лет в институте? Тогда почему в писатели и в артисты можно всем? Давайте все же разграничивать любителей и профессионалов, как это всегда делалось раньше.

Меня еще ужасно раздражает везде насаждаемый культ молодости. Типа: до сорока у нас есть жизнь, а после – ни финансирования, ни обучения. Да, у молодых безусловно есть креативное мышление, они интересно, иногда парадоксально мыслят. Но у них нет еще мастерства, чтобы воплотить парадоксальность как надо. Молодых нужно обучать. Когда я работаю над сценарием для сериала и у меня семь тридцатилетних начальников над головой, которые учат, как я должна писать, хочется просто взвыть и убежать! Переубедить таких невозможно – они уверены, что раз их здесь поставили, они должны навязывать свой взгляд на процесс и на конечный результат. В этом смысле и драматургия, и сценарное дело у нас под большим прессингом продюсеров, режиссеров, редакторов. То, что всегда культивировалось как основа, сейчас девальвируется.

– Готовы ли вы в таких случаях идти на компромиссы?

– Если это заказ, сериал, поденная работа, я иду на любой компромисс. Потому что нужно кормить семью. Конечно, какие-то вещи отстаиваю, пытаюсь что-то объяснить. Стараюсь работать с продюсерами, с которыми знакома и с которыми можно быть в диалоге. Но если это большое кино или спектакль по моему сценарию или пьесе, я, конечно, стою насмерть. Ничего не переделываю, жду, когда появятся режиссер и продюсер, которые будут со мной на одной волне. Мой компьютер ломится от материалов. Прозаикам легче: они написали, их издали. А у нас, сценаристов, драматургов, сложнее – мы зависим от огромного производства, огромных денег, большого количества людей, их мнений, настроений, возможностей, талантов. Масса талантливых людей не могут делать то, что хотят, потому что просто нет возможности. Если фильм или спектакль выходят вовремя, они долго живут. А если пьеса или сценарий лежат, лежат и реализуются спустя годы, то, как правило, не бывают долгожителями. Такая вот грустная закономерность.

– Недавно во МХАТе вышел спектакль «Женщины Есенина» по вашей пьесе. Она долго ждала своего воплощения?

– Это заказ. МХАТ сам предложил тему «Женщины Есенина». Тема довольно сложная. Про каждую женщину Есенина можно написать отдельную пьесу. А тут нужно было соединить всех сразу. Я их всех и соединила – естественно, с помощью Есенина и его роковой, гибельной судьбы. Женщин Есенина объединяет то, что все они испытывали чувство вины. Они думают, что недоглядели, не удержали, не смогли предотвратить гибель поэта. Пытаются разобраться, что же они не сделали. Всегда, когда уходит близкий человек, даже если ты совершенно не виноват, испытываешь острое чувство вины. Мать Сергея Есенина, конечно, страдала больше всего. Галина Бениславская застрелилась, не в силах пережить случившееся. Все остальные тоже глубоко переживали. Получилась история некоего рока. Не спасла его женская любовь. И

никакая другая, наверное, спасти бы Есенина не могла.

– Женщины не занимали главное место в его жизни.

– Во время очередной тусовки у Айседоры Дункан кто-то спросил, что важнее – любовь или поэзия. Дункан ответила: «Конечно, любовь важнее. Когда я люблю, то даже танцую иначе. Придумывается легче, да и все прекрасно!». А Есенин сказал: «Конечно, поэзия важнее. Любовь нужна, чтобы писались стихи! Любовь – служанка поэзии, тягловая крестьянка!» Вот вам два взгляда. Все увлечения Есенина – лишь подпитка для его таланта и творчества. Для поэта было важно иметь рядом ярких, неординарных женщин, но это не являлось главным. Главным была миссия что-то высказать. И он это сделал. Есенин – гений. Хотя многие современники не считали его поэзию чем-то особенным. «Большое видится на расстоянии». Но Есенин был необыкновенно любим, потому что казался всем понятен. То счастливое сочетание, когда тебя понимает и недалекий человек, и тонко чувствующий интеллект. Просто кто-то видит поверхностный смысл, а кто-то – «пласты глубокого залегания».

«Женщины Есенина»

Глубокие пласты в творчестве Есенина есть. При этом – совершенно простая, легкая, доступная для любого читателя форма.

– Я могу это сказать и о ваших стихах.

– Стараюсь идти в эту сторону. Считаю, что каждый зритель, пришедший в зал, имеет право на свой пряник, на свой катарсис. Все должны что-то получить. Если ты сообщаешь что-то на большую аудиторию, то она должна быть тобой вся охвачена. И интеллектуально, и эмоционально. Ты должен дойти до каждого. Иначе не берись. Особенно сегодня, когда билеты стоят бешеных денег. Люди идут в театр, чтобы получить очищение. По Аристотелю.

– Сценическое воплощение «Женщин Есенина» соответствует вашему замыслу?

– Да. Я уже работала с этим режиссером – Галиной Полищук из Латвии. Тонкий, умный европейский режиссер. Очень жесткий. Галина много ставила новую драму, умеет работать с разными текстами. Далеко не все режиссеры могут работать с современным текстом. Почему ставят классику? Она давно расписана по учебникам. А когда берешь новый текст, то легче сказать, что это вообще не пьеса, фигня. Потому что не хочешь вчитываться и быть первооткрывателем. Это ведь страшно – вдруг что-то не так сделаешь? Вдруг это графома-

ния, а ты решил, что гениально? Или наоборот? А Галина умеет увидеть. Она не сотворила из этого материала «гой-да-люли», что из Есенина легко сделать. Сделала его жестким, серьезным высказыванием. И актрисы прекрасные заняты. Катя Волкова играет Дункан. Она и в жизни Дункан, совершенно ураганная женщина! Прекрасная Екатерина Стриженова играет мать Сергея – в паре с Лидией Кузне-

цовой. Совершенно разные, но обе безумно интересные актрисы. Агния Кузнецова в очередь с Кристиной Пробст играют Бениславскую, Наталья Медведева – Соню Толстую. Андрею Вешкурцеву, который играет Есенина, 23 года. Сначала мы думали, что ему трудно будет справиться, но актер разыгрался. Галя из него это вынула... Прекрасный Мариенгоф – Коля Каратаев. На репетициях артисты шутили, смеялись, и это напомнило эпоху

знаменитого кафе 1920-х годов «Стойло Пегаса», где все весело проводили время, дружили, любили... Именно такая атмосфера была на репетициях, что очень дорого. Спектакль создавался в любви.

– **Какой театр вам интересно делать?**

– С Олей Михайловой у нас есть задумка – театр современной исторической пьесы. Мы собрали целую библиотечку таких пьес за последние тридцать лет – очень много исторических произведений, которые сегодня, к сожалению, не востребованы. Современную историческую пьесу сложно кому-то предложить. Для антрепризы это дорого. Несколько раз нам давали гранты. Например, музей «Бородинская панорама» выиграл грант на проект, посвященный Отечественной войне 1812 года, и пригласил нас. Молодые драматурги написали три прекрасные пьесы, которые теперь поставлены молодыми режиссерами внутри экспозиции музея. Зритель попадает на панораму и плюс смотрит спектакль на историческую тему. У нас прошел конкурс пьес на военную тему, который проводился Музеем современной истории. В конкурсе участвовали драматурги разного возраста. Мы не ограничивали ни жанры, ни тематику. Организовали несколько чток пьес, собрали режиссеров. Очень интересные были показы и обсуждения. Потом мы издали сборник этих пьес о войне. Мы создали мастерскую «Исторические лица» при Центральном театре Российской армии – и ребята написали пьесы. Это было совсем не просто, ведь нужно уметь работать с архивами, музеями, копаться в материалах. Три пьесы сейчас идут в Театре армии. Надо бы развивать этот жанр. Все равно взгляд из современности на историю – совершенно другой, нежели оценки тех, кто обращался к этой тематике в прошлом. Хочется, чтобы драматурги писали на исторические темы сегодняшним языком, с современными представлениями и оценками. Так, как это делали, увы, ушедшие от нас Елена Гремина, Михаил Угаров, Вадим Леванов. Время наше опасно еще и тем, что если человека

«Женщины Есенина». В роли поэта – Андрей Вешкурцев

нет, никто о нем не вспомнит. Все занимаются только собой, думают, как себя продвинуть, не потонуть, вытащить за волосы. В соцсетях появилось много возможностей себя продвигать. И все остальное уже значения не имеет.

– **Как бы вы сформулировали национальную идею?**

– Я не такого уровня мыслитель, чтобы формулировать национальную идею. Мне кажется, нужно двигаться в сторону гуманизации общественного сознания с помощью повышения культурного уровня людей. Потому что он катастрофически падает. Если раньше читающих было 80 процентов, то сейчас их 20 процентов. Молодые родители сами выросли на гаджетах и детей растят так же. Поэтому важна гуманизация сознания и личная ответственность каждого за происходящее. Делай что должно, и будь что будет. Что должно, а не то, что хочется! Есть свобода и есть воля. У поговорки «вольному воля» есть продолжение: «спасенному – рай». Смысл в том, что, пожалуйста, делай, что хочешь, но в рай попадет только спасенный – тот, кто не своей волей живет, а высшей. Свобода

– это не воля. Человек, будучи свободным, сам себе устанавливает ограничения. Некие законы, по которым он живет и взаимодействует с другими людьми. И если все мировые системы не могут направить наше движение в гуманистическую сторону, значит, каждый человек должен сам себя гуманизировать! И тогда спасемся.

– **Для вас что важнее: любовь или поэзия?**

– Все должно быть сразу – и любовь, и поэзия. Я не могу разделить. Человек счастливый наполнен со всех точек зрения. И черпать нужно из всех доступных счастливых источников. Тогда ты будешь наполняться, поддерживать других и себя самого. Владимир Набоков считал, что счастливые детство и юность сильно поддержали его в трудные годы. Когда человек знает, что счастье есть, это знание заставляет его жить и двигаться дальше. А если у него счастья никогда не было, то он просто не представляет, зачем ему жить, все кажется мрачным и бессмысленным. Силы берутся от счастья, а не от несчастья.

Александр Кабанов. Фото Леси Кабановой

Александр Кабанов (род. в 1968 году в Херсоне) – украинский поэт, живущий в Киеве и пишущий на русском языке. Автор двенадцати книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континент», «Дружба народов», «Арион», «Новая газета», «Литературная газета» и др. Лауреат «Русской премии», премии «Antologia» – за высшие достижения в современной поэзии, премии журнала «Новый мир», Международной Волошинской премии и др. Стихи Александра Кабанова переведены на украинский, польский, белорусский, английский, немецкий, французский, нидерландский, финский, грузинский, сербский и др. языки. Александр Кабанов – главный редактор журнала о современной культуре «ШО», координатор Международного фестиваля поэзии «Киевские лавры», один из основателей украинского слэма.

«...ЛЮБОВЬ, И ШАНСОВ НИКАКИХ»

В Москве, в музей-театре «Булгаковский дом», прошла презентация новой книги Александра Кабанова «Обыск», выпущенной издательством «Городец».

Мероприятие немедленно окрестили «свадьбой без жениха», поскольку сам герой присутствовал только в виде своей книжки и присланного из Киева видео, и за него с удовольствием «отдувались» автор иллюстраций Андрей Макаревич, вдохновитель всего события поэт Андрей Коровин (в его «Литературном салоне» все и состоялось; «Спасибо тебе большое, дорогой мой друг и брат! Ты – главный герой и виновник всего этого!» – написал ему Кабанов), а также друзья виновника торжества – Игорь Иртенев, Геннадий Калашников, Евгений Бунимович и другие, не менее выдающиеся, личности. Как все прошло? Прочитруем самого Кабанова: «Добрые люди говорят (и я этому верю) – презентация книги прошла: ярко, масштаб-

но, с грандиозным успехом, и при этом – не потеряв теплоты, искренности и вкуса. Спасибо большое: организаторы, участники, друзья, знакомые и незнакомые, читатели и писатели!.. Я бы и сам отписался от самого себя – из-за белой зависти, но не могу – уж больно я хорош, о, да – я хорош!»

«В какой-то момент пришла

Андрей Макаревич

мысль, – свидетельствует журналист, продюсер Борис Барабанов, – сейчас нельзя верить никому, ни заголовкам СМИ, ни властям, ни интернету. А вот Кабанову, поэту, можно. Странно, да? «Творческий человек», оторван от реальности, живет в своем мире. Но если интересно, что происходит на самом деле, почитайте Кабанова. Это не рифмованные репортажи. Это кардиограмма... Это та Украина, которую вы, скорее всего, не знаете, потому что не знаете, куда смотреть. А она есть».

Увы, нам, грузинским почитателям поэта, в этой ситуации оставалось радоваться издали и довольствоваться фотографиями с места действия.

Очевидно, без украинского поэта Кабанова современная русская поэзия немыслима и непредставима, а мы лично – так вообще жить без него не можем. Наши журнальные страницы, как девушки на выданье, жаждут его властного тем-

перамента, ума, иронии. Да чего уж там! – жаждут его, кабановского, великого дара.

Терпеть и медлить не было сил, и мы написали поэту челобитную с просьбой поделиться стихами. Ответ пришел через минуту:

«Приветствую! Вот – книга для журнала «Русский клуб».

Всего самого доброго! Здоровья, вдохновения и благополучия в Любом Году!

Ваш Александр Кабанов»

Остается – раскрыть книгу «Обыск» и поделиться с вами, дорогие читатели, хотя бы несколькими стихотворениями – как давно любимыми, так и только что прочитанными.

Разделите с нами удовольствие и радость.

* * *

И когда меня подхватил бесконечный поток племен,
насадил на копья поверх боевых знамен:

«Вот теперь тебе – далеко видать, хорошо слышать,
будешь волком выть да от крови не просыхать,
а придет пора подышать, на осипшем ветру уснуть,
ты запомни обратный путь...»

И когда я узрел череду пророков и легион святых,
как сплавляют идолов по Днепру и мерцают их
годовые кольца, как будто нимбы, за веком – век:
только истина убивает, а правда – плодит калек,
только истина неумолима и подобна общей беде,
до сих пор живем и плавимся в Золотой Орде.

Ты упрячь меня в самый дальний и пыльный Google,
этот стих, как чайник, поставь закипать на уголь,
чтобы он свистел от любви до боли, и тьмы шепот –
мельхиоровой ложечкой размешал Господь.
И тогда я признаюсь тебе на скифском, через моря:
высшей пробы твои засосы, любовь моя.

ДОСТОЕВСКИЙ

Сквозь горящую рощу дождя, весь в березовых щепках воды,
я свернул на Сенную и спрятал топор под ветровкой,
память-память моя, заплетенная в две бороды,
легкомысленной пахла зубровкой.

И когда в сорок пять еще можно принять пятьдесят,
созерцая патруль, обходящий торговые точки,
где колбасные звери, как будто гирлянды, висят
в натуральной своей оболочке.

А проклянется снег, что он скажет об этой земле –
по размеру следов, по окуркам в вишневой помаде,
эй, Раскольников-джан, поскорей запрягай «шевроле»,
видишь родину сзади?

Чей спасительный свет, не желая ни боли, ни зла,
хирургической нитью торчит из вселенского мрака,
и старуха-процентщица тоже когда-то была
аспиранткой филфака.

* * *

Речной бубенчик – день Татьянин,
взойдя на пристань, у перил
бездомный инопланетянин
присел и трубку закурил.
А перед ним буксир-кукушка
на лед выпихивал буйки,
и пахла солнечная стружка
морозной свежестью реки.
И, восседая на обносах,
пришелец выдыхал псалмы:
«Пусть голова моя в присосках –
бояться нечего зимы...»
И было что-то в нем такое –
родная теплилась душа,
как если бы в одном флаконе
смешать мессию и бомжа.
Бряцай, пацанская гитара:
народу – в масть, ментам – назло,
и чуду, после «Аватара»,
нам удивляться западло.
Отечество, медвежий угол,
пристанище сановных рыл...
...он бластер сломанный баюкал
и снова трубочку курил.
Но будет все: убийство брата,
блужданье в сумерках глухих,
любовь как подлость, как расплата,
любовь, и шансов никаких.

* * *

Напой мне, Родина, дамасскими губами
в овраге темно-синем о стрижах,
как сбиты в кровь слова, как срезаны мы с вами –
за истину в предложных падежах.
Что истина, когда, не признавая торга,
скрывала от меня и от тебя,
слезинки вдохновенья и восторга
спецназовская маска бытия.
Оставь меня в саду на берегу колодца,
за пазухой Господней, в лебеде,
где – жжется рукопись, где – яростно живет
на Хлебникове и воде.

* * *

Степь горит, ночной огонь кудрявится,
дождь вслепую зашивает рот,
кто-то обязательно появится:
Нобеля получит и умрет.
Вспыхнет над славянами и готами
древняя сверхновая звезда,
жизнь полна любовью и пустотами
и бесплатной смертью навсегда.
Достаешь консервы и соленья,
бутылок с наклейкою «Престиж»,
дернешь рюмку и на все явления
в стеклышко обугленное зришь.
Холодок мерцающего лезвия,
степь горит незнамо отчего,
русский бог – как русская поэзия:
вот он есть, а вот и нет его.

* * *

К.А.

Снилось мне, что я умру,
умер я, и мне приснилось:
кто-то плачет на ветру,
чье-то сердце притомилось.
Кто-то спутал берега,
как прогнившие мотузки:
изучай язык врага –
научись молчать по-русски.
Взрывов пыльные стога,
всходит солнце через силу:
изучай язык врага,
изучил – копай могилу.
Я учил, не возражал,
ибо сам из этой хунты,
вот чечен – вострит кинжал,
вот бурят – сымает унты.
Иловайская дуга,
память с видом на руину:
жил – на языке врага,
умирал – за Украину.

Мой милый друг, такая ночь в Крыму,
что я – не сторож сердцу своему,
рай переполнен, небеса провисли,
ночью в перевернутой арбе,
и если перед сном приходят мысли,
то как заснуть при мысли о тебе?
Такая ночь токайского разлива
сквозь щели в потолке неторопливо
струится и густеет, августев,
так нежно пахнут звездные глубины
под мышками твоими голубыми;
уже наполовину опустев,
к речной воде, на корточках, с откосов –
сползает сад – шершав и абрикосов,
в консервной банке – плавает звезда,
о, женщина – сожженное огниво:
так тяжело, так страшно, так счастливо,
и жить всегда – так мало, как всегда.

* * *

Вдоль забора обвисшая рабица –
автостоп для летающих рыб,
Пушкин нравится или не нравится –
под коньяк разобраться могли б.
Безутешное будет старание:
и звезда – обрастает паршой,
что поэзия, что умирание –
это бизнес, увы, небольшой.
Бесконечная тема облизана
языком керосиновых ламп,
так любовь начинается сызнова,
и еще, и еще Мандельштамп.
Не щадя ни пространства, ни посоха,
то ползком, то на хряке верхом,
выжимаешь просодию досуха –
и верлибром, и белым стихом.
Чья-то ненависть в пятнах пергамента –
вспыхнет вечнозеленой строкой:
это страшный вопрос темперамента,
а поэзии – нет. Никакой.

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Гости грузинской столицы восхищаются не только знаменитыми двориками и резными балконами, древними стенами и видами с окрестных гор. Отдельный предмет восторга – современные скульптуры, не такие большие, как памятники и монументы, но пропитанные духом города на Куре. В Старом городе тбилисцы с готовностью покажут кинорежиссера Сергея Параджанова и актрису Софику Чиаурели, на улице Бараташвили – Фонарщика, пиросманиевского Дворника и актера Серго Закариадзе. В парке 9 апреля – художников Елену Ахвледiani и Ладю Гудиашвили, актеров Рамаза Чхиквадзе и Отара Мегвинетухуцеси. И даже президента США Рональда Рейгана – на площади Рике, о существовании которой он и не подозревал...

И только две фигуры назовут далеко не каждый тбилисец, хотя они стоят в самом центре города – в небольшом сквере за здани-

ем парламента, перед гостиницей «Цитрус». А это – англичане, брат и сестра Оливер и Марджори Уордроп. Внесли бесценный вклад в знакомство Европы XIX века с Грузией и в историю этой страны в начале XX века.

Родились они в аристократической лондонской семье, он – 1864-м, она – пять лет спустя. Растут в викторианскую эпоху, в атмосфере «доброй старой Англии». Оба получают прекрасное образование, с детства грезят дальними путешествиями и экзотическими странами. Учебу Оливер продолжает в Париже, в знаменитом университете Сорбонна. И еще во время учебы в его жизни появляется Грузия – в 1887-м едет в эту страну, ставшую для него желанной экзотикой.

Пароходом он приплывает в Батуми, в Тифлисе встречается с писателями и общественными деятелями Ильей Чавчавадзе и Иванэ Мачабели. Благодаря им, 23-летний англичанин много

ездит по Грузии. А его путевые заметки и впечатления о поездке ложатся в основу книги «Грузинское царство. Заметки о путешествии в страну женщин, вина и песен». Издает ее Уордроп через год после этой поездки, в 1888 году.

В предисловии он пишет: «Главное очарование Грузии лежит в ее народе; грузины не только красивы по наружности, но они глубоко прекрасный народ... Жить среди такого – веселого, с открытым сердцем и щедрой рукой честного и невинного народа, лучшее лечение, которое можно только себе представить, от меланхолии и мизантропии». И еще: «Говоря о гостеприимстве, я произношу это слово не в общепринятом смысле. Грузин настолько вежливо и с такой любовью подходит к своему гостю, что нам, европейцам, и не снилось».

В книге рассказывается краткая история Грузии, рассматривается ее язык, описывается тог-

Оливер Уордроп

дашее социально-политическое положение. Многочисленные иллюстрации дают впечатление о том, где побывал сэр Оливер: Владикавказ, Тифлис, Ананури, Сигнахи... На фотографиях рядом с бытовыми сценами – портреты Святой Нино, Шота Руставели, Ираклия II, епископа Габриэла, Ильи Чавчавадзе и Иванэ Мачабели. Приложение к книге – цветная карта Грузии с маршрутом поездки Уордроба. А для того, чтобы представить читателям грузинский алфавит «мхедрули», автор специально отлил в Лондоне его шрифт.

Окончив учебу, Оливер, по традиции многих аристократических семей, начинает работать в Foreign Office – Министерстве иностранных дел. Первая должность – секретарь посла Великобритании в России, затем – консул в Керчи и Санкт-Петербурге, генеральный консул в Бухаресте. Но и на дипломатической работе он находит возможность побывать в полюбившейся ему Грузии.

Вновь он приезжает в нее в 1894-м, причем в Батуми его догоняет письмо сестры: «Не знаю почему, но кроме Грузии ни о чем не думаю и говорю!.. Я очень рада, что ты там, но, эх, почему меня нет рядом с тобой...». Во время второго приез-

да он успевает заняться грузинским языком, и по возвращении публикует перевод грузинских народных сказок, книги писателя, государственного деятеля и дипломата Сулхан-Саба Орбелиани «Мудрость вымысла» и романа XII века «Висрамиани».

И потом, даже вдали от Грузии, он в курсе происходящих в ней событий. В начале 1906 года войска под командованием генерал-губернатора Кутаисской губернии генерал-лейтенанта Максуда Алиханова-Аварского подавили Гурийскую республику. Так называли стихийное крестьянское самоуправление, возникшее в Озургетском уезде как альтернатива государственной власти. С 1902-го это было первое в истории демократическое крестьянское правление.

Британская пресса сообщает об этом подавлении, затем – о других применениях военной силы против антиправительственных выступлений. На фоне этого Оливер и его сестра объединяются с весьма колоритной

фигурой – Норой Драйхерст. Она – анархистка, ирландская националистка, поддерживающая стремление различных стран обрести независимость. Побывала в Грузии и говорила по-грузински, научившись языку у соратника знаменитого анархиста Петра Кропоткина, князя Варлама Черкезишвили (Черкезова).

Именно с этой неординарной женщиной и другими британцами, сочувствующими странам, борющимся за независимость, Уордробы организуют Комитет спасения Грузии, позже ставший Комитетом друзей Грузии. А когда Черкезишвили и один из организаторов Национально-демократической партии Грузии Георгий Гвазава пишут от имени своего народа антироссийскую петицию к международной конференции 1907 года в Гааге, Оливер участвует в создании ее текста. И Нора Драйхерст оглашает эту петицию на конференции.

До развала Российской им-

О. Уордроп в грузинском национальном костюме

Монастырь в Бодбе

перии Уордроп возглавляет консульства в Румынии и Норвегии. А после того, как Грузия становится независимой, в Лондоне решают отправить в нее дипломатического посланника. Конечно же, лучший кандидат на эту должность – сэр Оливер: у него – знание и языка, и жизни южнокавказской страны. Так что министр иностранных дел Великобритании, лорд Джордж Керзон делает Уордропу предложение, от которого тот не может отказаться. Ведь жить в Грузии – его главная мечта. Уже казавшаяся несбыточной.

И в июне 1919 года он становится первым (и, увы, последним) главным уполномоченным Соединенного Королевства в Грузии, а через месяц – и во всем Закавказье. В Грузии для него распахнуты все двери, в том числе – и монастыря Бодбе, где покоятся мощи святой Нино, в IV веке принесшей в Грузию христианство. Это особенно важно для дипломата – младшая из его трех детей названа в честь этой святой. Из восторженного письма сэра Оливера жене:

«Когда мы приблизились к монастырю, перед нами возникла триумфальная арка, одетая в листья и растения. Нас

приняла игуменья (княжна Вачнадзе). Все собрались вокруг монастыря: монахини в черных мантиях и красивых косынках, девочки из монастырской школы, выраженные в белые платья, люди, жившие неподалеку. Священник пригласил меня в церковь, которая впервые была построена в 4-ом веке, и в течение нескольких минут проводил богослужение, молился Господу, а монахини вокруг него исполняли песнопения.

Игуменья показала мне общежитие девочек, классные комнаты, столовую и рабочие комнаты, где изготовлялись ковры, церковная одежда, иконы, а также комнату для вышивания. Мы посетили и сад, украшающий монастырь. Девочки подарили нам цветы, а дети и взрослые провожали нас выкриками... Мы направились в сторону Сигнахи».

А это – из другого письма, посланного ей же 12 января 1920 года:

«Этот день – один из самых счастливых в моей жизни. Только что вернулся с приема премьер-министра и министра иностранных дел. Я им сообщил о том, что наши союзники де-факто признали правительства

Грузии и Азербайджана. Исполнилось то, о чем я мечтал на протяжении 30 лет. Мы уже посылаем пригласительные членам правительства и представителям союзнических стран, чтобы они присутствовали на банкете, который в связи с этими событиями состоится 14 января, в День Святой Нино. Мой флаг впервые развевается с балкона. Звонят церковные колокола. Весь город готовится к празднику, и все государственные учреждения, банки и т.д. закрыты».

Работа на Южном Кавказе оказывается самым сложным периодом за всю дипломатическую карьеру Уордроба. Ведь среди его служебных интересов – не только проблемы Грузии, но и этнические конфликты Азербайджана и Армении. Но его опыт, знания, энтузиазм берут верх над всеми трудностями. Вплоть до 1921 года, когда он вынужден был покинуть Тифлис из-за свержения правительства независимой Грузии.

Вернувшись на родину, он прожил до 84 лет. Продолжая изучать литературу и культуру Грузии, основал Фонд картвелологии, участвовал в Лондоне в создании Общества и Комитета Грузии, Исторического обще-

ства в Грузии, издававшего свой журнал «Георгика». Еще он составлял каталоги грузинских рукописей в Британском музее и пополнял две уникальные коллекции. Одну – во второй по величине (после Британской) библиотеке Великобритании – Бодлианской. Другую – в Фонде, созданном им в Оксфордском университете после смерти сестры и носящем ее имя.

Для начала знакомства с этой замечательной женщиной предоставим слово знаменитому английскому писателю Джеймсу Олдриджу: «Марджори Уордроп вышла из состоятельной семьи, но у нее не было учителя, который мог бы преподавать ей грузинский язык, вызвавший у нее интерес. Она просто стала изучать язык самостоятельно, с помощью грузинского алфавита и библии на грузинском языке. Позже ей удалось отыскать грузинскую грамматику и словарь. Когда ей было двадцать лет, Уордроп уже твердо решила сделать изучение грузинского языка, литературы, культуры грузинского народа делом всей жизни».

Марджори говорила на иностранных языках – французском,

немецком, русском, румынском и итальянском. Мы уже знаем, что она, как и брат, грезил о далеких странах. Так вот, это было реализовано в путешествиях по Северной Африке, Гаити, России, Румынии, Польше, Италии, Франции... А книга сэра Оливера «Грузинское царство. Заметки о путешествии в страну женщин, вина и песен» перевернула всю ее жизнь. «Книга, написанная моим братом, несколько лет назад привлекла мое любопытство и вызвала в сердце интерес к Грузии, к ее прекрасному народу», - признавалась она после того, как приняла решение изучать грузинский язык и литературу, ближе знакомиться с грузинским народом.

Первой обучающей литературой для нее становится не только грузинское Евангелие, но и грамматика со словарем французского и русского картвелолога, основоположника грузинской археологии Мария Броссе. А Варлам Черкезишвили, побывавший в ее семье, в 1894 году сообщает в тифлисскую газету «Иверия», что из грузинской речи она слышала только службу в местной грузинской церкви.

Более подробно «Иверия»

пишет: «Сестра известного знатока Грузии Оливера Уордроп, г-жа Уордроп, подобно своему брату, приступила к изучению грузинского языка, чтобы познакомить английское общество с историей и литературой Грузии, которую Западная Европа, в особенности – Англия, знает не очень хорошо. Эта женщина так старательно трудится и за относительно малое время настолько освоила грузинский язык, который европейцы учат с трудом, что уже перевела на английский «Грузинские народные сказки».

Да, Марджори настолько преуспевает в изучении шестого для нее иностранного языка, что, при поддержке одного из основателей культурной школы антропологии Эдуарда Тейлора, все в том же 1894-м публикует в Лондоне перевод на английский грузинских народных сказок. Причем сказки эти многообразны – кахетинские, мегрельские и гурийские. Как отмечала британская критика, «эту книгу делает ценной то, что она переведена с неизвестного для многих ученых языка, из-за чего книга очень привлекает английских читателей»

О. Уордроп и министр иностранных дел Грузии Е. Гегечкори (справа). 1919

О. Уордроп в Тифлисе

А в «Иверии» появляется статья под названием «Мнение английской прессы о переводе сказок». Вот отрывок из нее: «Миссис Марджори Уордроп нашла в грузинской словесности ценный клад и перенесла его в свою книгу, что было единственно новым для английского читателя...»

Первый профессор русского языка в Великобритании Уильям Морфил из Оксфорда, за шесть лет до этого побывавший в Грузии и написавший статью о грузинской литературе, дает такой отклик: «Начало прекрасное, от всего сердца... желаем ей полного успеха. Прочитали эти сказки, вновь наши друзья одежды в грузинские, мегрельские и гурийские одежды... английский язык перевода довольно прост... очень подходит к содержанию... этот сборник более приятен, так как это первый образец перевода с грузинского...»

Живо откликаются на этот перевод грузинские женщины – общественные деятельницы, писательницы, дело доходит до споров. Но, как признавали Мариам Демурия, Екатерина Габашвили и другие участницы бурных дискуссий, «это были необходимые прения в защиту гру-

зинского языка». А Марджори решает перевести современную по тому времени классику – поэму «Отшельник» Ильи Чавчавадзе. И на отличном грузинском языке пишет автору письмо с просьбой разрешить перевод.

Письмо настолько восхищает Чавчавадзе, что он публикует его в «Иверии» как пример любви иностранцев к Грузии. И немедленно дает разрешение на перевод. А к своим соотечественницам, затеявшим споры, обращается с такими словами:

«Что скажете сейчас, прекрасные и непрекрасные дамы, прелестные и воздушные! Если молодая англичанка сумела, не слыша ни одного грузинского слова в Лондоне, так красиво выучить грузинский язык, неужели здесь, в Грузии, вы не можете выучить грузинский... Скорее подражайте своей иностранной сестре, выучите грузинский язык и освободитесь от стыда... Грузинские молодые мужчины решили... что не возьмут в жены ни одну грузинку, если она не будет знать хорошо грузинский язык».

Именно тогда Марджори отправляет уехавшему в Грузию брату письмо, где сожалеет, что ее нет рядом с Оливером. Который, кстати, пишет ей из Тифлиса: «У меня такое чувство, будто единственным оправданием моего пребывания здесь является факт того, что я – твой родственник, твоя популярность здесь безгранична, и сила этого чувства по инерции переносится на меня. Чтение твоего письма, адресованного Чавчавадзе, повлекло такие эмоции, что их было слышно даже на том берегу реки».

Сожаления Марджори длятся недолго. Осенью опять-таки 1894 года, вместе с матерью, она появляется в Батуми, и Оливер встречает их в порту. Во время длительного пребывания в Тифлисе – одна за другой встречи с передовой грузинской общественностью. Потом – поездка по стране. Оливер так описывает их появление в Кутаиси: «Перрон, комнаты ожидания и привокзальная территория были полны бесчисленным количеством представителей отборного кутаисского общества, облаченных в великолепные одежды. Они встретили нас бу-

кетами необыкновенного разноцветия и с большим вдохновением».

После Кутаиси – Гелати, Ланчхути, Супса, Озургети, Шемокмеди... Газета «Иверия» подробно сообщает общественности об этой поездке. В селе Нигоити – неожиданная встреча с землячкой. Это – Ханна Терсей, бывшая гувернантка детей Льва Толстого, вышедшая замуж за князя Мачутадзе. А самая запоминающаяся встреча – в Сагурамо, с Илей Чавчавадзе, который с большой ответственностью отнесся к тому, каким он должен предстать перед желанной гостьей. Вот описание, данное Екатериной Габашвили: «Илья был одет в черный сюртук и, со всей силой своей привлекательности, с достоинством английского лорда-мэра стоял перед молодой женщиной, с особой степенностью нанизывая слова как жемчуг».

Сам великий Илья вспоминал: «Я спросил ее, как она смогла так хорошо выучить грузинский язык. Она ответила, что только «абдали» (так в Гурии называли глупца – В.Г.) не смог бы выучить. Потом, вероятнее всего она подумала, что слово «абдали» было неизвестно мне и уточнила, что имела в виду глупого человека». Словечко это

Марджори Уордроп

Нора Драйхерст

Марджори подхватила в Гурии – после пребывания там в ее речи даже появляется гурийский акцент.

Гостья старается не упустить ни малейшей детали из увиденного, ведет дневник, который сейчас хранится в Бодлианской библиотеке. И помимо дорожных впечатлений вносит в него подробности того, как власти ущемляют столь любимый ею грузинский язык. А главное впечатление таково:

«Грузины любят гостей, гостеприимство их первейшее достоинство. Они особенно заинтересовались нами, так как мы изучили их язык и приехали познакомиться с ними. Они сердечно встречали нас везде и эти встречи компенсировали нам ту тяжелую работу, которую мы проделали, изучая сложности грузинских глаголов».

Уезжает она в 1895-м, через Батуми добирается до Одессы, оттуда поездом - на родину. А на одесском железнодорожном вокзале ждет живущая в этом городе грузинская молодежь. Ее представители от имени всех своих земляков преподносят красивейший букет, на ленте которого – теплая надпись.

В том же году в Лондоне публикуется перевод «Отшельника». Успех огромен, специалисты особо подчеркивают: на примере лишь одного про-

изведения автор смогла продемонстрировать англоязычному читателю весь талант великого грузинского писателя и мыслителя. А она начинает работать над переводом ни больше ни меньше «Витязя в тигровой шкуре». И совмещает эту работу с помощью брата во время его переездов по Европе и в переводе «Мудрости вымысла» Сулхан-Саба Орбелиани.

В письме, полученном от Ильи Чавчавадзе, она читает: «Я рад, что, благодаря Вашей просвещенности, великий народ Англии более или менее узнает, что в мире есть один позабытый маленький грузинский народ со своей литературой, в которой он хранит сокровищницу своей души и сердца».

Но разлука с Грузией – недолгая. «Я рассказала вам об этой чудесной стране. То, что не смогла передать, вы увидите своими глазами», – заявляет Марджори своей семье. И в 1896-м она вместе с родителями и младшим братом Томасом вновь приезжает в Грузию – поездом до Ростова-на-Дону и в экипажах от Владикавказа. Оливера с ними нет – служебные обязанности не позволяют отлучиться.

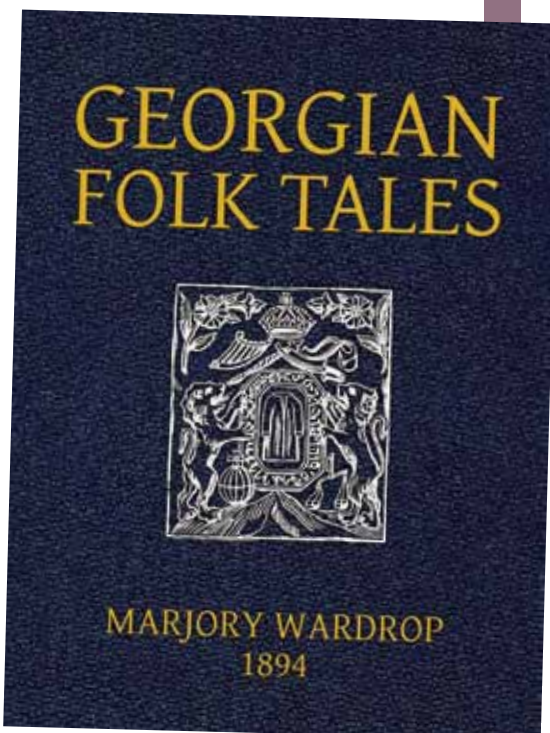
И вновь грузинская пресса внимательно следит за тем, что происходит во время поездки Марджори по стране. И читатели узнают не только о том, как много памятников истории и культуры видят приезжие. Вот – англичане гостят в Кахети у общественного деятеля, педагога, энциклопедиста Иванэ Ростомашвили, и его жена упрасивает Марджори крестить их дочь. Вот – в Западной Грузии писатель и публицист Георгий Церетели устраивает Уордропам «незабываемое пиршество» на берегу реки Квирила в селе Чала....

Англичанка в долгу не остается. «Многих грузинских женщин и мужчин заставили задуматься добродетельные сладкие грузинские речи госпожи Уордроп», – отмечает пресса. А еще Марджори привезла фотоаппарат (это – в те времена!) и снимает массу интересных эпизодов. В первую очередь это происходит в доме Ильи Чавчавадзе, в Сагурамо, где она сближается с женой писателя Ольгой и его

сестрой Элизабет Чавчавадзе-Сагинашвили.

Возвратившись в Англию, брат и сестра постоянно пополняют Грузинский фонд в университете Оксфорда, это они считают одним из своих важнейших дел. А эта работа невозможна без связи с грузинскими учеными, в том числе – с работающими за рубежом. И Марджори налаживает связи с находящимися в России специалистами высокого класса – автором полного курса истории грузинской литературы, переводчиком на русский древнейших грузинских рукописей Александром Хаханашвили и профессором кафедры грузинской и армянской словесности факультета восточных языков Петербургского университета Александром Цагарели.

Профессора Хаханашвили она, в частности, просит прислать все имеющиеся материалы о Шота Руставели – перевод поэмы «Витязь в тигровой шкуре» становится главным смыслом ее жизни. Хаханашвили выполняет просьбу, и Марджори в восторге: «Эти труды – ценное приобретение для нашей грузинской библиотеки, которая постоянно растет, и в данное время насчитывает почти 700 книг... Я полностью закончила черновой вариант перевода «Витязя в тигровой шкуре» и, надеюсь,

Застолье у Ильи Чавчавадзе в Сагурамо

мы еще поработаем над ним, и вскоре я его улучшу и исправлю».

А это – из писем другим корреспондентам, причем в них идет речь о литературе не только средних веков, но и XX столетия:

«Последние 2 года я довольно много времени уделяю изучению грузинской литературы, особенно наследию великого эпоса XII-го века Шота Руставели. Я решила дать возможность своим соотечественникам разделить то удовольствие, которое получила лично я от этой поэмы»...

«Английскому читателю более-менее известна персидская литература, но мало кто слышал о существовании грузинской литературы. Грузия заслуживает большего внимания. Произведение 12-го века «Витязь в тигровой шкуре» ничем не уступает «Шахнаме» Фирдоуси. Но что может сравниться из современной персидской поэзии со стихами Н. Бараташвили и И. Чавчавадзе!?»

Работа над переводом «Витязя...» длится целых десять лет – можно сказать, что Марджори довольно придирчива к самой себе. Она постоянно консультируется с друзьями-литераторами в Грузии. А в письме подруге Тасо – писательнице Анастасии Туманишвили-Церетели, муж которой организовывал для Уордропов застолье на реке Квирила она признается: руставелевскую поэму пришлось полностью перевести заново потому, что первый вариант – «незрелый перевод, требующий от

читателя большого труда и терпения».

А идеалом переводчика она вместе с братом считает грузинского литератора и общественного деятеля, Иванэ Мачабели, чьи переводы Шекспира по сей день используются в репертуаре знаменитого Руставелевского театра. Уордропы восприняли как личную трагедию исчезновение Мачабели – в 1898 году он ранним утром вышел из дома на чей-то зов и до сих пор считается без вести пропавшим. Через год после этого Марджори пишет в Грузию: «До сих пор я надеялась, может, он где-нибудь появится...»

А в Бухаресте ее застаёт известие о другом несчастье – убийстве Ильи Чавчавадзе. И она пишет своей подруге Элизабет, сестре погибшего: «Фото Ильи всегда стоит в нашей комнате, одно дома и одно здесь... Не высказать словами печаль моего сердца. Ваше несчастье сделало несчастными и нас... Не верится, что Ильи больше нет...». Элизабет получает и письмо о том, как Марджори соскучилась по Грузии:

«Здесь сильная зима, каждый день мороз и, как видно, весна не наступает в этом году... Постоянно прошу Бога, чтобы дал нам свидеться и приехать в Грузию. Каждый год думаю, что в будущем, возможно, поеду туда, но пока не суждено. Тринадцать лет не была в Грузии. Мое сердце вечно с любовью обращается в ее сторону...»

Уже будучи тяжело больной,

она вновь возвращается к работе над переводом «Витязя»: «Этой зимой хочу в третий раз сравнить мой перевод с оригиналом Руставели и исправить множество ошибок... В данный момент читаю Чахрухадзе...» Речь идет о грузинском поэте XII–XIII веков, который считается автором «Тамариани» – сборника поэтических произведений, восхваляющих царицу Тамару.

Увы, до Грузии она так и не доезжает – в Бухаресте сердечный приступ прерывает жизнь. Ей было всего 40 лет. А главный труд ее жизни «Витязь в тигровой шкуре» в 1912 году публикует в Лондоне «Королевское общество Азии». Конечно, под наблюдением сэра Оливера. Перевод прозаический, но высокохудожественный. Один из лучших знатоков языка Руставели, академик Николай Марр, считал, что в то время этот перевод был «наиболее точным и научно скрупулезным».

Кстати, если б Марджори Уордроп не перевела эту поэму, неизвестно, когда появился бы перевод... на русский язык. Слово – первому русскому поэту, создавшему полный перевод «Витязя...», Константину Бальмонту:

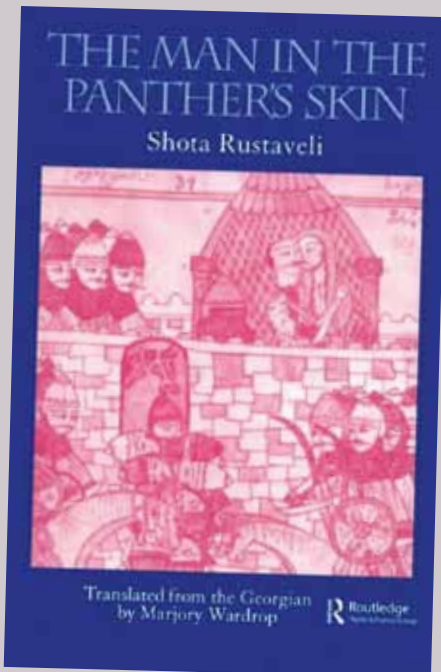
«Я впервые узнал Руставели в океанском просторе, невдали от Канарских островов,

М. Уордроп в грузинском национальном костюме

Илья Чавчавадзе с супругой Ольгой

на английском корабле, носившем имя красиво-мудрой богини Афины, где я познакомился с Оливером Уордропом, который дал мне прочесть находившийся при нем в корректурах английский перевод «Барсовой шкуры», сделанный с великой любовью его сестрой, Марджори Скотт Уордроп. Прикоснуться к грузинской розе в просторе океанских зорь, при благом соучастии Солнца, Моря, Звезд, дружбы и любви, и диких вихрей, и свирепой бури, это – впечатление, которого забыть нельзя. Вернувшись в Россию, я посетил Грузию и, ободряемый в трудной задаче грузинскими друзьями,

приступил к подробному изучению великой поэмы Руставели. Я перевел из нее отдельные песни. Я перевожу ее целиком».

Большое значение перевода, выполненного Марджори, и

в том, что он не только вызвал в Европе волну хвалебных откликов специалистов, но и стимулировал интерес к грузинской культуре и литературе. Профессор Оксфордского университета Уильям. Морфил: «Литературная критика Англии сумеет и достойно оценит силу таланта Руставели, а также степень образованности грузинского народа в ту далекую эпоху, которую историки назвали «мраком разумной жизни средневековой

Европы». Австрийский этнолог Роберт Блайхштайнер, много сделавший для перевода грузинской литературы на немецкий язык, позже писал: «Это точный, дословный, верный перевод текста... он и сегодня еще очень полезен».

Ну и конечно, благодарно отзываются грузины. Можно легко представить смысл этих высказываний, но одно из них, пророческое, все-таки стоит процитировать. Этнограф, член-корреспондент Реймской академии и иностранный член-корреспондент Парижского антропологического общества Тедо Сахокия: «Может, проведенная англичанкой эта непомерная работа наведет на мысль грузин, и они несутся с большей заботой к нашему кладью мысли... Может мы тоже создадим общество по изучению поэмы и языка Руставели... подобно итальянцам, у которых почти в каждом городе создано «Общество Данте».

...Теперь, отлитые в металле,

они стоят рядом – сестра, умершая в 1909 году, и брат, переживший ее почти на 40 лет. Стоят в центре города, который всегда воплощал для них столь любимую обоими Грузию. Но мало кто знает, что место на склоне Мтацминды, где стоит этот памятник, созданный скульптором Джумбером Джикия, официально – никакой не сквер. С 2015 года это – площадь имени Марджори и Оливера Уордроп.

Эскиз костюмов для постановки
«Порги и Бесс»

СИМФОНИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ СОЛИКО ВИРСАЛАДЗЕ

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

За длинным деревянным столом сидит художник средних лет, в одной руке он держит дымящуюся сигарету, в другой – кисть. На столе стоят баночки с разноцветными красками и вазы с кисточками. Художник берет кисть и наносит краску на уже готовый эскиз сценической декорации... Это архивные кадры из документального фильма, запечатлевшие великого грузинского сценографа и театрального художника Солико Вирсаладзе в процессе работы. В Галерее имени Дмитрия Шеварднадзе Национального музея Грузии состоялась ретроспективная выставка работ мастера.

Масштаб экспозиции был впечатляющим: более двухсот экспонатов, собранных из архива Национального балета Грузии «Сухишвили», Фонда Солико Вирсаладзе, Дворца искусств Грузии и частных коллекций. Зритель имел возможность увидеть эскизы костюмов и сценических декораций, афиши концертов ансамбля «Сухишвили», сценические костюмы известных артистов, макеты театральных декораций, документы из семейного архива, альбомы и книги о

саладзе родился в 1909 году в Тбилиси. Мать, Елена Мухелишвили, была дочерью одного из лучших офицеров Российской императорской армии Ефрема Мухелишвили, а отец, Баграт Вирсаладзе, происходил из семьи священнослужителей, окончил Петербургскую духовную академию. Он также получил экономическое образование в сфере налогообложения и во времена Первой Грузинской республики был начальником налоговой службы. Театр

делать, пока не знал. Известный искусствовед Георгий Хоштария, другой племянник Солико, вспоминал, что дядя с детства проявлял интерес к рисованию, музыке, театру, истории, мифологии, грузинскому и мировому искусству, и это нашло отражение в его будущей деятельности. Еще во время учебы в школе он посещал курсы рисования в вечерней студии Мосе Тоидзе. Занимался и в хореографической студии. В 1927 году поступил в Тифлисскую Академию ху-

Костюмы Национального балета Сухишвили

творчестве Вирсаладзе. Примечательно, что некоторые экспонаты ранее не выставлялись. В последний раз подобная выставка наследия художника состоялась двадцать лет назад. «Волшебник театра», «романтический рыцарь театра», «мастер симфонии цветов» – это неполный перечень эпитетов, которыми награждали художника ценители искусства.

Сценограф, оставивший большой след не только в отечественной, но и мировой культуре, Солико (Симон) Вир-

был его настоящей страстью, и своих детей – Солико, Тинтин и Елену – он часто водил на спектакли. Так что увлечение театром сопровождало Вирсаладзе с детских лет. По воспоминаниям племянницы Вирсаладзе, культуролога Мананы Хидашели, когда мальчику было пять лет, мама впервые повела его в театр, и он рассказывал, что войдя в оперный зал, от изумления встал как вкопанный. Решил, что всю жизнь проведет в театре, но что именно будет

дожеств, где его педагогом был Иосиф Шарлемань. Будучи студентом первого курса, Солико оформил несколько спектаклей в Театре рабочей молодежи. По тенденции, распространенной в 20-х годах минувшего века, он работал в стиле конструктивизма, позднее резко сменил стилистику и стал театральным художником с ярко выраженными живописными тенденциями, но из конструктивизма извлек полезные уроки. В первую очередь это касается четкой

организации сценического пространства. «Сценограф не просто художник или конструктор по созданию декорации, он соавтор постановки. Вирсаладзе плодотворно работал не только в балете и драматическом театре, но и в кино. Он, конечно, был живописцем от Бога, с великолепным чувством цвета. Театр – синтезное искусство, а не механическая сумма либретто, музыки и танца. Сценография предполагает концептуального осмысления спектакля, полного органического единства семантики, движения, дизайна, техники и музыки. И Солико Вирсаладзе был непревзойденным

Марджанишвили и работал в Государственном театре оперы и балета им. Захария Палиашвили. Оформил постановку «Вильгельм Телль» Дж. Россини, потом один за другим последовали оперы «Дон Паскуале» Доницетти, «Евгений Онегин» Чайковского, балеты «Корсар» Адана и «Лебединое озеро» Чайковского. Этапной постановкой для Солико стала опера Захария Палиашвили «Даиси» в 1936 году, она была с успехом встречена в Москве на Декаде грузинского искусства. По словам Хоштария, в спектакле значительную роль вновь играли элементы конструктивизма,

Вирсаладзе пригласили в Ленинград, в Государственный академический театр оперы и балета им. С. Кирова (ныне Мариинский), где он оформил спектакли Вахтанга Чабукиани – «Сердце гор» Андрея Баланчивадзе и «Лауренсия» Александра Крейна. В Ленинградском академическом Малом театре оперы и балета (ныне Михайловский) оформил «Ашик-Кериба» Бориса Асафьева и оперу Верди «Фальстаф» в постановке Эммануила Каплана. Можно сказать, что эти спектакли его спасли. В Грузии в тот период свирепствовали репрессии: расстреляли отца, Баграта Вир-

Костюм Нино Рамишвили для танца «Джейран»

Костюм для танца «Азербайджанский»

Костюм Николая Цискаридзе. Балет «Спящая красавица»

мастером именно этого синтеза», – подчеркивал искусство-вед Георгий Хоштария.

В Тифлисской Академии художеств тогда не существовало специального факультета театрально-декорационной живописи, поэтому для продолжения образования в 1928 году он уехал в Москву, где учился сначала в Высшем художественно-техническом институте (педагоги – Исаак Рабинович и Петр Кончаловский), затем в Ленинградской Академии художеств.

В 1931 году он вернулся в Тбилиси по приглашению Котэ

но роль цвета явно возросла. Здесь уже проявилась та своеобразность цветового строя, которая была представлена на дальнейших этапах творчества художника, – «это построение колористического строя на сочетании ахроматических цветов (черного, серого, белого) с хроматическими (красным, синим, желтым) с использованием золотого и серебряного цветов. В хроматической-ахроматической гамме легко читается влияние грузинского искусства, в частности, живописи Нико Пиросмашвили», – отметил Хоштария.

В 1937 году, после «Даи-

саладзе, арестовали еще двоих членов его семьи и ближайших друзей – Евгения Микеладзе, Гоги Элиава (основателя Бактериофага), Петре Оцхели и др. «В Ленинграде одна постановка сменяла другую, а из Тбилиси сообщали: «ни в коем случае не приезжай!», – вспоминал Солико. Именно тогда театр Кирова предложил ему зачисление в штат. Он не мог скрыть от администрации театра, что множество людей из его окружения репрессировано. Ответ был ошеломляющим: «Потому что мы тебе и доверяем». В этом

театре Солико оформил такие балеты, как «Раймонда» А. Глазунова, «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик» П. Чайковского и др.

«Джейран» Нино Рамишвили

С Нино Рамишвили Солико был знаком еще с детских лет – они вместе занимались в хореографической студии. Дружба укрепилась в 1936 году во время Декады грузинской культуры в Москве. Когда в 1945 году Илико Сухишвили и Нино Рамишвили основали Национальный балет «Сухишвили», Вирсаладзе создал для них костюмы, а позднее несколько раз их обновлял. Солико внес ощутимый вклад в успех коллектива и не раз подчеркивал, что очень ценит сотрудничество с этим ансамблем. «В достижении нужного эффекта мне помогает сам грузинский танец. Когда подбираю цвета для костюмов, в первую очередь, вижу танец в целом», – отмечал он. По словам директора Национального балета Грузии, художника по костюмам Нино Сухишвили, Солико Вирсаладзе был уникальным мастером своей эпохи, хорошо владел танцем, сам бывший танцор – он прекрасно знал, как нужно одевать артиста. Он фактически создал грузинский танцевальный костюм. «Никогда до него в Аджарском танце женщина не надевала на голову кабалахи (головной убор, который в старину носили только мужчины), никогда прежде грузинский мужчина не носил красную чоху. Существует несколько версий танца «Самаия», сегодня эталоном признана та, где девушки танцуют в костюмах, созданных Вирсаладзе», – подчеркнула Нино Сухишвили. Наряду с другими новациями, Солико впервые внес в женский костюм для аджарского танца «Гандагана» пояс, и он так органично вписался в платье, что с тех пор прочно утвердился в женских костюмах как обязательный аксессуар для данного танца. «Его творчество очень «эскизно», главным для него была сцена, театр и костюм, над которым он часто собственноручно работал. Можно со всей смелостью сказать, что Вирсаладзе, вместе с Нино и Илико, был одним из создателей ансамбля», – подчеркнула Нино Сухишвили.

Головной убор Нино Рамишвили для танца «Джейран»

В Галерее имени Дмитрия Шеварднадзе экспонаты из архива Национального балета Грузии занимали два больших зала. Посетители могли посмотреть афиши концертов ансамбля «Сухишвили» в Миланском театре «Ла Скала», Кремлевском дворце съездов, состоявшихся в 1967 году, фотоальбомы с костюмами, созданными художником, кадры кинохроники выступлений коллектива в различных странах мира. Естественно, главное внимание зрителей было направлено на эскизы костюмов и сами сценические костюмы. Большинство любителей творчества ансамбля знакомы с их знаменитыми танцами «Картули», «Ачарули», «Симд», но помимо них существует огромное множество танцев, поставленных легендарными хореографами, и костюмы для этих танцев смело можно причислить к произведениям искусства, с таким утонченным вкусом и филигранной точностью деталей они созданы. В экспозиции рядом с каждым костюмом висел его эскиз, нарисованный Солико, и посетитель мог сравнить, как художник претворял в жизнь свой замысел. Вот неполный перечень эскизов и костюмов для различных танцев, выставленных в галерее: «Хонга», «Казбегури», «Давлури», «Ачарули», «Картули», «Садарбазо». Примечательно оригинальное решение костюмов для танца «Азербайджанский», которые Солико создал в 1960-х годах:

цветовая гамма черного-белого-желтого, пуговицы золотистого цвета, жемчужины, свисающие с головного убора, изящные желтые цветочки на поясе женщины. Особой роскошью отличаются костюмы для танца «Садарбазо», предоставленные для выставки Дворцом искусств Грузии, они созданы в 1978 году. Само слово «садарбазо», примененное в контексте одежды, означает «парадное платье», и костюмы действительно оправдывают свое название. У зрителя, рассматривающего их, создается полное впечатление, что это княжеское одеяние. Отдельное место в экспозиции занимало платье светлосинего цвета, усыпанное разноцветными камнями, с головным убором, также украшенным камнями красного и синего цвета. Помимо эстетической красоты, этот костюм имеет большую историческую ценность: именно в нем Нино Рамишвили танцевала свой знаменитый танец «Джейран» на сцене театра «Ла Скала» в октябре 1967 года. Костюм создан в 1952 году, рядом с ним – эскиз Вирсаладзе, который по красоте ничуть не уступает платью.

«Мне посчастливилось видеть Солико в процессе работы. Зачастую он комкал и выбрасывал такие изумительные эскизы, что сердце разрывалось от жалости. Естественно, он понимал, что делал. Он глубоко изучил восточную и западную культуры, хорошо знал историю, литературу, кино, но все-таки его талант

уходил корнями в грузинскую культуру. Вирсаладзе говорил, что таких росписей, как в Атени и Кинцвиси, в мире всего один-два, и будущие поколения должны знать, каким сокровищем владеют. Любовь к родному искусству являлась основой его творчества», – рассказал Г. Хоштария.

Неповторимый тандем

В театре имени Кирова стал складываться творческий альянс Солико Вирсаладзе с хореографом Юрием Григоровичем. Несколько лет назад на телеканале «Культура» был показан документальный фильм «Симон Вирсаладзе. Музыка цвета», большую часть которого составляет интервью с Юрием Григоровичем, где он вспоминает свое сотрудничество с художником: «Скромный, милый, очаровательный, образованный. Человек с громадным опытом. Я заинтересовался спектаклем Прокофьева «Каменный цветок», подумал – не согласится ли Вирсаладзе со мной поработать. Он внимательно выслушал меня, мы прослушали музыку, я рассказал ему свой замысел. Он ответил, что согласен. С тех пор мои лучшие спектакли я сделал с Солико Багратовичем. Он был почти на 20 лет старше, но наши взгляды совпадали в понимании искусства».

Первыми спектаклями Григоровича-Вирсаладзе стали «Каменный цветок» Сергея Прокофьева (1957 г.) и «Легенда о любви» Арифа Меликова (1961 г.). Сценография последнего вызвала настоящий фурор среди профессионалов театра. На сцене была установлена ширма, по форме напоминающая восточную книгу, во время спектакля «книга» как бы раскрывала свои страницы и оттуда выбегали артисты. По словам народного художника России Бориса Мессерера, на сцене творилось чудо – как с точки зрения хореографии, тогда совершенно новой, так и удивительной атмосферы спектакля: «Фрагменты декорации позднее я видел при реставрации в мастерских Большого театра в Москве. Они очень сложно сделаны, это своего рода даже не театральная живопись, а система соединения живописи с аппликацией из ткани, с тюлями, перекрытиями, бархатными лоскутками. Это те-

атральный коллаж, который я не мог не оценить».

Затем сотрудничество творческого тандема успешно продолжилось в Москве, на сцену Большого театра были перенесены «Каменный цветок» и «Легенда о любви». Были созданы новые постановки: «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Лебединое озеро» Чайковского, «Спартак» Хачатуряна, «Иван Грозный» и «Ромео и Джульетта» Прокофьева, «Раймонда» Глазунова. По словам доктора искусствоведения, академика Виктора Ванслова, Вирсаладзе был настоящим знатоком балета, и очень важно, что у него костюмы всегда по цвету соотносились с декорациями и образовывали с цветом декорации единое целое: «Я называю это симфонической живописью, это свойство балетов, оформленных Вирсаладзе. Он был великий мастер в этом отношении. Про него говорили, что он одевает не столько персонажей, сколько сам танец».

Неизгладимое впечатление оставляют буквально все эскизы Солико, представленные на выставке. Можно лишь перечислить некоторые из них. Эскизы костюмов для оперы Дж. Гершвина «Порги и Бесс», созданные в 1971 году, режиссер Гурам Мелива, однако, спектакль так и не был поставлен. Сценический костюм из балета Чайковского «Щелкунчик», 1966 год, хореограф Григорович, предоставлен Дворцом искусств Грузии. Очаровывает грандиозностью и оригинальностью решения эскиз декорации для оперы «Даиси», 1936 год, режиссер Александр Цуцунава. Сценический костюм Николая Цискаридзе для балета «Спящая красавица» Чайковского, эскиз создан в 1973 году, хореограф Григорович. Нельзя обойти вниманием и изумляющие своей красотой эскизы костюмов к фильму «Гамлет» 1964 года, режиссер Григорий Козинцев, «Ленфильм». Нино Ананиашвили предоставила для экспозиции свой сценический костюм из балета «Раймонда» 1984 года. Несколько эскизов костюмов из балета «Спартак» Арама Хачатуряна, 1968 года.

«Я подумала, что это золото!»

Солико обычно сам сидел с

портнихами в мастерской, и сам резал ножницами на актерах костюмы, сокращал то, что ему не было нужно в платье, или дорисовывал какие-то части. Балетмейстер, заслуженный артист России Юрий Ветров вспомнил интересный случай, произошедший во время подготовки спектакля «Спящая красавица»: один актер стоял на примерке костюма волка (роскошный камзол зеленого цвета), и Вирсаладзе очень долго укладывал складки. Он подложил один жесткий слой тюля, приподняв фалды, второй слой, третий, четвертый. Постепенно костюм становился все тяжелее и тяжелее. В конце концов, артист не выдержал и сказал: «Солико Багратович, в таком костюме невозможно танцевать, он стал очень тяжелым!» Минута тишины, потом спокойный голос художника: «Хорошо, вы меня уговорили, я поговорю, чтобы вас заменили в этой роли». После этого у артиста не было замечаний по поводу костюма. Григорович рассказывал, что сотрудники марштерских Большого театра обожали Вирсаладзе, они просто молились на него, он с ними был в очень хороших отношениях, хоть и был крайне требователен. «Он приходил первым, уходил последним. Бесконечно любил экспериментировать, здесь, на этом полу сам составлял красками какие-то тона, жег бронзу, чтобы она, например, приняла оттенок золотого цвета. Он мог взять это золото и насыпать его на свои декорации, причем вокруг творился кошмар, дышать нечем, а он продолжал свое дело. У него была совершенно уникальная одержимость», – отметил Дмитрий Сергеев, заслуженный работник культуры России, сотрудник мастерских Большого театра.

Костюмы бояр в постановке «Иван Грозный» были сшиты из мешковины, Солико кистью наносил на них золотую краску, и они «превращались» в дорогую парчу. Во время гастролей в Лондоне, после премьеры спектакля принцесса Диана пригласила артистов к себе в ложу. Не снимая костюмов, с накладными бородами и в шубах, «бояре» предстали перед принцессой Уэльской. Она подошла побли-

Эскиз костюмов для постановки «Раймонда»

же к костюмам, и от удивления у нее расширились глаза: «Я подумала, что это золото!». После премьеры этого же спектакля в Парижском «Гранд-Опера» артисты вернулись в гостиницу, и тут кто-то спохватился, что оставил в гримерной то ли сумочку, то ли паспорт. Они вновь поехали в театр, открыли гримерку и увидели, что там кто-то ходит с фонариком. «Мы увидели, как несколько человек смотрят, из чего сшиты эти костюмы, щупают их, перерисовывают. Они были из мешковины, но создавалось полное ощущение блеска золота парчи», – вспоминали артисты.

Несмотря на то, что Вирсаладзе был признанным мастером, ему было нелегко хранить верность своим художественным принципам. Не единожды бывали случаи грубого вмешательства в процесс работы, когда в прямом смысле портили оформление того или иного спектакля. Георгий Хоштария навсегда запомнил слова, сказанные ему Вирсаладзе: «Не ной, будь твердым, целеустремленным в своем деле! Ты что, думаешь, мне мало крови попортили, мало моих работ исковеркали? Всегда одинаково успешным не будешь, но ропот – не выход. Работать, работать в любых условиях – это единственное лекарство!»

Притеснение и цензура были особенно ощутимы в 40-х и в начале 50-х годов, да и в дальнейшем давление не прекращалось, несмотря на некоторую «передышку». Во время одной из по-

становок «Лебединого озера» кто-то пожаловался на Вирсаладзе – он, мол, формалистически решил декорации. Созвали комиссию, на заседании присутствовала сама министр культуры СССР Екатерина Фурцева. Разбор начался с того, что какой-то льстец заявил: «Озеро не похоже на озеро!», Солико не собиравшись отступить и ответил: «Да, с точки зрения рыбака, наверное, и не похоже». Поднялся хохот, оказывается, автор замечания был заядлым рыбаком. Затем Фурцева спросила Вадима Рындина, главного художника Большого театра, мужа Галины Улановой, который в некотором роде конкурировал с Солико: «А вы что скажете?» – «Это божественно!», – ответил он министру. «Я у вас комплимента не просила!» – сказала Екатерина Алексеевна. Вот так и сорвалось заседание, организованное с целью осуждения грузинского художника...

Выйдя на пенсию, Солико решил вернуться на родину. Позвонил сестре и сказал: «Моя родина – Грузия, я должен жить в Тбилиси, найдите мне какую-нибудь квартиру». И она нашла дом недалеко от Александровского сада, на Инженерной улице...

После смерти мастера улица была названа именем Вирсаладзе.

В статье использованы отрывки из статьи искусствоведа Георгия Хоштария «Солико Вирсаладзе», и фотографии из Национальной парламентской библиотеки Грузии.

ВЛЮБИВШИЙ ГРУЗИЮ В ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

Морис Квителашвили. Фото Bernat Armangue

■ Нодар МАЙСУРАДЗЕ

XXIV Зимние Олимпийские игры в Пекине – уже история. Хвост китайского дракона исчез в бескрайнем небе, Бин Дунь Дунь (талисман Игр) помахал всем на прощанье своей лапой. В Грузии никогда не испытывали особой эйфории от Зимних Олимпийских игр. Выдающихся успехов у наших спортсменов не было, а радоваться попаданиям в двадцатку и тридцатку сильнейших, после золотых медалей на Летних ОИ, как-то не хотелось. Но, кажется, Олимпиада в Пекине сломала устоявшиеся стереотипы. И все благодаря фигурному катанию.

Казалось бы, Грузия никогда не была выдающейся страной

в этом виде спорта. И тут – на тебе! – в Пекин она впервые привезла полностью укомплектованную сборную, – шесть человек. Это позволило принять участие в командных соревнованиях, где наши спортсмены показали фантастический результат, заняв итоговое шестое место. Могли пробиться и в финал (в пятерку сильнейших), однако по дополнительным показателям уступили Китаю. Но это, как говорится, – уже совсем другая история.

Что же произошло за четыре года? Ведь на Олимпиаде в южнокорейском Пхенчхане в соревнованиях по фигурному катанию Грузию представлял только

Морис Квителашвили. Неужели за это время появились новые таланты, сразу же сумевшие пробиться на главные состязания четырехлетия? Ответ – нет.

Дело в том, что все члены взрослой сборной Грузии родились и тренировались в России, где фигурное катание находится на запредельном уровне. Чтобы попасть в сборную той страны, нужно быть не просто талантливым, работоспособным и целеустремленным спортсменом. Нужно быть настоящим самоходком. Поэтому для России вполне нормально, что шестеро фигуристов из Москвы, Санкт-Петербурга и Перми выступают

Морис Квителашвили. Фото Алексея Филиппова

Глава Федерации фигурного катания Грузии Мариам Гиоргобиани. Фото Левана Авлабери

под флагом Грузии. Смена спортивного гражданства в этом виде спорта явление вполне обычное.

Но для того чтобы уговорить и «переманить» спортсменов под другой флаг, необходимо приложить невероятные усилия. И в этом, безусловно, заслуга президента Федерации фигурного катания Грузии Мариам (Маки) Гиоргобиани. Бывшая чемпионка Грузии несколько лет собирала Dream team, и ее непосильный труд дал свои плоды на Олимпиаде в Пекине. В состав «великолепной шестерки» вошли Анастасия Губанова (11 место на ОИ), Карина Сафина/Лука Берулава (спортивные пары, 9 место),

Мария Казакова/Георгий Ревия (танцевальные пары, 19 место), а главной звездой «команды мечты» стал Морис Квителашвили.

Очаровательная улыбка, море обаяния, отсутствие каких-либо признаков «звездной болезни» – все это Морис, сильнейший фигурист Грузии последнего времени, которому 17 марта исполняется 27 лет. Он родился в Москве, куда его родители переехали из Тбилиси. Семья была спортивной. Мама, Лиана Тата-рашвили, в молодости занималась фигурным катанием, а отец, Михаил Квителашвили – велогонками. Морису явно была уготовлена спортивная стезя.

Впервые его привели на каток ЦСКА в четыре года и предложили на выбор – хоккей или фигурное катание. Мальчик решил выбрать второй вариант, как у мамы. Поначалу фигурное катание рассматривалось Морисом исключительно как хобби. Но затем он втянулся и решил посвятить льду свою дальнейшую судьбу.

Первое профессиональное выступление Квителашвили состоялось в 2011 году на чемпионате России среди юниоров. Через год была «бронза» на NRW Trophy, а в 2013 году – дебют в серии Гран-при. Правда, там он в финал не пробился, но

Карина Сафина и Лука Берулава. Фото Рейтер

уже через год сумел выиграть Кубок России. Несмотря на это, к фигуристу приклеили ярлык «не очень стабильного». На чемпионатах он не поднимался выше седьмого-восьмого места, а значит, попасть в сборную не было практически никаких шансов. Вполне возможно, что такие обидные эпитеты сыграли не последнюю роль в том, чтобы Квителашвили задумался о смене спортивного гражданства.

В 2016 году случилось то, что и должно было случиться – Квителашвили получил предложение от федерации Грузии и принял его, став первым, как окажется позже, в длинном списке. Вне всяких сомнений – это решение стало судьбоносным для спортсмена. Перед ним открылись двери престижных международных турниров, в том числе и Олимпиады. По мнению фигуриста, неудачи в России стали совокупностью факторов, давивших на него психологически: высокий рост (180 см), сложный контент, травмы. В Грузии же Морис укрепостился, начал кататься лучше и чище.

Под флагом Грузии он сразу же выиграл соревнования в

Будапеште, в январе 2017 был шестым на континентальном первенстве в Чехии и неплохо выступил на двух последовавших чемпионатах Европы – в Москве (2018) стал 12-м, а в Минске (2019) вошел в десятку сильнейших. Перемены в катании Квителашвили не остались незамеченными. Это отметили многие эксперты и аналитики. В частности, комплиментами грузинского фигуриста осыпал олимпийский чемпион Солт-Лейк-Сити (2002) Алексей Ягудин.

После такого взлета стало очевидным: Квителашвили обязательно квалифицируется на Олимпийские игры в Пхенчхане. Более того, ему доверили право быть знаменосцем грузинской делегации на церемонии открытия Игр. Если говорить непосредственно о результатах, то в Южной Корее Квителашвили не блеснул, заняв 24 место. Но могли Морис даже мечтать о попадании на Олимпиаду, не смени он спортивное гражданство за два года до этого? Думаю, вряд ли.

Для многих спортсменов просто участие в ОИ становится апогеем карьеры. Особенно тогда, когда тебе сложно претендовать

на пьедестал (будем откровенны). Но складывается впечатление, что у Квителашвили открылось второе дыхание, появилась дополнительная мотивация и на горизонте замаячили новые вершины, к которым можно было стремиться. После Олимпиады в Пхенчхане он стал кататься еще лучше.

Морис начал попадать в призеры на этапах Гран-при и ни разу не опустился ниже восьмого места. Более того, в декабре прошлого года грузин стал победителем турнира в Сочи. Апофеозом же его карьеры можно смело считать бронзу на чемпионате Европы 2020 года в австрийском Граце. Для Грузии эта медаль – историческая. В 2010 и 2012 годах бронзовым призером чемпионата Европы становилась Элене Гедеванишвили, но грузинские мужчины-одиночники еще никогда не поднимались на пьедестал почета континентальных первенств. Этери Тутберидзе, в чьей группе тренируется Квителашвили, может гордиться своим воспитанником.

Логическим завершением этого четырехлетнего цикла стала лицензия на Олимпиаду в Пе-

кине, где Квителашвили выступил выше всяких похвал, заняв в итоговом протоколе 10 место. Более того, после короткой программы Морис занимал пятое (!) место. Его прокат не остался незамеченным – он получил персональное приглашение выступить

пает уже не мальчик, а муж. Квителашвили был спокоен и уравновешен. От его «нестабильности» не осталось и следа. Даже несмотря на то обстоятельство, что на лед пришлось выйти сразу после безупречного американца Натана Чена, который впослед-

расправил плечи, стал катать программы чище и лучше... Меня часто спрашивают, гражданином какой страны я себя считаю, напоминая о двойном гражданстве. Этот вопрос из серии: «Кто тебе ближе – мама или папа?» Это же абсурд. Если говорить образно,

Грузинские фигуристы на Олимпиаде в Пекине. Фото Georgian Figure Skating Federation

в гала-программе в день закрытия пекинской Олимпиады. Это – настоящее признание заслуг спортсмена.

Сам Квителашвили остался доволен своим выступлением на ОИ, хотя и жалеет, что не смог подняться выше 10 места: «Очень рад тому, что сборная Грузии в условиях сильной конкуренции сумела стать шестой в командных соревнованиях, и я внес посильный вклад в этот успех. Мне, конечно, хотелось бы занять в индивидуальных соревнованиях более высокое место, чем десятое, был близок к этому, но, увы, не вышло».

Невооруженным взглядом было видно, что в Пекине высту-

ствии и стал олимпийским чемпионом. Школа Тутберидзе в «Хрустальном» не прошла даром.

Морис отличается элегантным, «взрослым» катанием, у него есть фирменный образ, он часто выбирает для проката французский шансон. За пределами арены он – душа компании, прекрасно танцует, ведет интересный блог, считается сердцеедом, а также «любимчиком» Тутберидзе.

На вопрос, не жалеет ли он о переходе в Грузию, Морис однозначно заявляет – «нет», потому что «в другом случае, может, уже бы и не катался». Спортсмен признает, что перемены были к лучшему: «Я раскрепостился,

поскольку я родился и вырос в Москве, то Москва – мама. А выступаю я за свою историческую родину Грузию, за страну, которая меня финансирует и поддерживает, – это папа. Маму и папу уважаю и люблю одинаково».

Отдохнуть после Олимпиады у него не получится. В конце марта в Монпелье состоится чемпионат мира, к которому нужно готовиться. Вполне возможно, что нынешний сезон станет последним для 27-летнего Квителашвили в профессиональной карьере. Сам фигурист пока не делает никаких конкретных заявлений. Лишь говорит, что решение примет в ближайшие полгода.

МОЙ ДРУГ ГОГА ПИПИНАШВИЛИ

— Левон УЗУНЯН

Я уверен, что очень многие в нашем городе готовы уверенно произнести эти четыре слова: «Мой друг Гога Пипинашвили». И это – абсолютная правда. По-моему, Гога не имеет недругов, просто есть его друзья и есть те, кто пока не стал его другом.

АКТЕР

Гога – актер. Большой актер. И для него быть актером – не просто профессия, а некая форма существования. Существования во всем. Он может во время разговора с вами застыть у окна, вглядываясь в странную походку прохожего на улице, «сканировать» эту походку, затем закинуть в свою коллекцию персонажей и продолжить разговор, но уже представляя себя тем незнакомым прохожим с улицы.

– И все же, где тот тумблер, нажав на который, актер Гога Пипинашвили становится Осэпом из спектакля «Вначале скончались, затем повенча-

лись», Лисандром из спектакля «Сон в летнюю ночь», Мито из фильма «Сделка» или даже Анастасом Микояном из картины «Дорогие товарищи!»?

– Для меня очень важно найти внешность моего героя – как он выглядит, ходит, смеется или ругается. Как он любит или ненавидит. Не какими словами он говорит, а с каким дыханием и с какими жестами произносит эти слова. И еще для меня очень важно найти ту внешнюю среду, которая заставляет моего героя именно так произносить этот текст. Например, в фильме «Шиндиси» у Дито Цинцадзе мне очень важен был цвет моих волос и та сорочка, которую я ношу в кадре. А еще было необходимо

почувствовать запах той дере-
вушки, где происходило действие
фильма. На съемочной площад-
ке я собирал стреляные гильзы
и внюхивался в запах пороха. И
только потом входил в кадр.

А вот в картине «Сделка» для
меня таким, как ты сказал, «тум-
блером» стала сцена, где мой
Мито за столом распивает с дру-
зьями вино, опустив ноги в ма-
ленькую речушку. Понимаешь?
Или, работая у Кончаловского
над образом Микояна (несмотря
на то, что это небольшой эпизод),
мне важен был парик, который
изготовили специально для этой
роли. И только когда парик орга-
нично лег мне на голову, появил-
ся острый взгляд Анастаса Ива-
новича, интонационные паузы в
его речи и даже его скупая, но
обаятельная улыбка. А что каса-
ется Осэпа, то я на него потратил
не один год своей жизни. Имен-
но работая над гримом, я вдруг
заговорил скрипучим, хриплым
голосом. Я в этом гриме выхо-
дил на улицу, шел на рынок, тор-
говался с крестьянами, спорил,
долго выбирал какую-то вялую
курицу, покупал мелкие смор-
щенные копеечные яблоки, на
разных весах перевешивал их и
требовал сдачу до последнего те-
три. Мне было интересно, как ре-
агируют обычные люди на Осэпа,
ведь обычный человек – это по-
тенциальный зритель спектакля,
в котором живет мой Осэп.

**«Я БЫЛ ТРИДЦАТЬ ВОСЬ-
МЫМ»**

Элина Терняева, кастинг-ди-
ректор фильма А. Кончаловского
«Дорогие товарищи!»: «Мы очень
долго искали актера на роль Ана-
стаса Микояна. Многие кандида-
ты внешне были похожи на него,
но не подходили по своей психо-
физике. Мы пересмотрели все
российские актерские базы и все
театры, потом начали смотреть
актеров из Армении и Грузии.
Параллельно шли поиски среди
боксеров и тренеров: у Микояна
был сломан нос, и Андрей Серге-
евич настаивал на поиске актера
со сломанным носом. В итоге
нам очень повезло: мы вышли на
профессионального грузинского
актера Георгия Пипинашвили. Он
и исполнил роль Микояна.»

– Гога, ты вспомнил о съем-

Кадр из фильма «Дорогие товарищи»

нах у **Андрея Кончаловского, расскажи чуть подробнее.**

– Для меня это стало полной неожиданностью. Вначале были пробы в Ереване, и после них мне объявили, что по списку претендентов на роль я – 38-ой. Понятно, что надежды не было никакой. Я вернулся в Тбилиси и занялся своими повседневными делами. И вдруг через какое-то время мне сообщают, что я утвержден на роль Анастаса Микояна. Не скажу, что меня это очень обрадовало. Скорее, насторожило. Все же Микоян – это не выдуманный персонаж, а конкретная историческая личность со своей биографией и со своим значением в истории страны, в которой мы жили. Роль небольшая, но ответственная.

Начались съемки. Мой эпизод снимали восемь камер. Кончаловского я поначалу почти и не видел, он был где-то за монитором. Я лишь слышал его голос. Текста у меня было немного, и я в кадре начал очень придирчиво наблюдать за всеми, кто произносил какие-то слова. Кончаловский это заметил, вышел на площадку и подсел ко мне. Он добавил мне текст и попросил, чтобы я продолжал наблюдать

все так же придирчиво, но все мои взгляды должны быть более адресные, более конкретные. И уже следующий дубль начали с меня – хлопнула хлопнула перед моим лицом: «Мотор!», «Начали!» А остальное увидишь в фильме. Вот так!

ГОГА-МАС!

В середине 90-х Гога собрал небольшую группу детей и создал детскую театральную студию «Art Hall». Мне посчаст-

ливалось присутствовать при зарождении этой студии. Помню, сколько было восторженных детских лиц и звонкого смеха. Это было здорово!

Прошло около тридцати лет, студия разрослась, были спектакли, концерты, фестивали. Многие студийцы сегодня стали ведущими актерами тбилисских театров. Многие снимаются в кино и сериалах. А многие стали просто настоящими театрами (для любого театра, на мой взгляд, такие театральные зрители – большая ценность). Сейчас в студии занимаются уже дети бывших студийцев и все – и родители, и дети – называют Гогу не иначе как Гога-мас!

Сегодня студия называется Молодежный центр искусств «Арт Холл». Здесь дети не только учатся основам актерского мастерства, но и познают секреты режиссуры. Они сами готовят декорации к спектаклям, сами шьют костюмы, сами изготавливают реквизит.

– Гога, а кто, кроме тебя, ведет занятия в центре?

– Педагоги актерского мастерства – это профессиональные актеры. Только актеры. Это принципиально! Мастерству актера должны обучать именно актеры.

– А режиссеры? В театральном ВУЗе мастерству актера в основном обучают режиссеры. Знаменитый учебник Бориса Захава так

Сцена из спектакля «Эмигранты». С Зурабом Кипшидзе

С учащимися студии «ART HALL»

и называется: «Мастерство актера и режиссера». И твой педагог Лили Иоселиани была режиссером. И Михаил Иванович Туманишвили был режиссером.

– Прежде всего они были актерами, а уже потом – режиссерами. Только тот, кто прошел серьезную актерскую школу, может стать серьезным режиссером. Только тот, кто владеет мощной актерской техникой, сможет на равных работать с серьезным актером.

– А как же актерская энергетика, магия, которая со сцены охватывает и держит в напряжении весь зал?

– Это – актерская «кухня». Она у каждого актера своя, и

Ручная работа Г. Пипинашвили

Кадр из фильма «Шиндиси»

вход в нее режиссерам запрещен. Ты так не считаешь?

– Не знаю... Очень хочу сказать тебе «нет», но понимаю, что у меня нет доводов. Правда на твоей стороне. Хотя ты сам со своими учениками ставишь спектакли и работаешь как режиссер.

– Я с ними работаю точно так же, как с нами в театральном институте работала Лили Иоселиани. Делюсь своими актерскими «закорючками». Я просто открываю дверь в их «кухню», а какой она будет, как они ее обустраивают, это уже их дело. Это их индивидуальная актерская «кухня».

ТВОРЧЕСТВО

Войдя в «Арт Холл», в кабинет к Гоге, сразу попадаешь в

особый мир, мир чудес. Каждый сантиметр стен покрыт яркими фотографиями из спектаклей, афишами, макетами декораций, книгами. Сотни книг о театре, о кино, вообще об искусстве. А перед стенами на небольших постаментах стоят изумительные поделки из дерева и камня.

– Нравится?

– Конечно! Что это? Часы? Ночник? Или...

– И часы, и ночник, и многое другое. Все это – мое личное творчество.

– Но ведь каждая минута твоего дня и так занята творчеством. Театр, кино...

– Театр и кино – коллективное искусство. Мы все вместе создаем спектакль или снимаем фильм. Но есть еще ночи, когда все засыпают. Вот тогда и наступает время для моего творчества.

– Я тут вижу и раскадровки к фильму...

– А вот об этом я тебе ничего рассказывать не буду, потому что проект пока не запущен. Вот когда фильм запустится и будет снят, ты станешь первым, кому я все расскажу.

– Обещаешь?

– Обещаю!

Вот такой он, мой друг Гога Пипинашвили.

«ПРОТИВ НЕБА – НА ЗЕМЛЕ»

Алена ДЕНЯГА

**«Каждый человек – это икона, которую нужно отреставрировать, чтобы увидеть Лик Божий»
(Антоний Сурожский, философ, проповедник)**

В замечательной книге Ольги Чайковской «Против неба – на земле» мне встретилось очень любопытное наблюдение. С детства мы познаем мир героев и богов греческой и римской мифологии. Тогда как «древнерусская икона молчит очень долго, и это не удивительно. Мы слишком далеко ушли от мира, в котором она была создана...»

Вторая половина XVI века. Иосифо-Волоцкий (Волоколамский) монастырь. Именно здесь была явлена икона Божией матери, позже получившая название Владимирской Волоколамской.

В истории «явления» образа много любопытного и удивительного. Есть предание о вельможе Григории, где говорится: «Некий вельможа от палат царских был весьма славен и богат». Он дал

обет заложить церковь в честь сретения Владимирской иконы и не успел исполнить свое обещание – отправился на войну. Но прежде в дар монастырю преподнес список иконы Владимирской Божией матери (в то время икона Владимирской Богоматери хранилась в Успенском соборе в Москве; ей мы уделим внимание в другом материале – А.Д.). В летописи сохранилась дата, когда с крестным ходом икона, подаренная вельможей, была доставлена в обитель – 2 марта 1572 года. Ровно 450 лет назад!

Многие исследователи той эпохи пришли к выводу, что за фигурой «вельможи» стоит историческая личность – не кто иной, как Малюта Скуратов (Григорий Бельский). Имя его стало нарицательным и на протяжении веков

наводило ужас. Это версия, но, возможно, заказ иконы был сделан именно на помин души святителя Филиппа II, к смерти которого от удушения имел прямое отношение любимый опричник Ивана Грозного. (В фильме 2009 года «Царь» режиссера Павла Лунгина в роли митрополита Филиппа снялся Олег Янковский. Это стало его последним кинообразом – А.Д.).

Не знак ли это был свыше? Не счастливая ли возможность покаяться и попросить прощения за все свои земные грехи...

Что стало с «вельможей Григорием»? Малюта Скуратов погиб в ходе Ливонской войны при взятии крепости Вейсенштейн, ныне Пайду (недалеко от сегодняшнего Таллина).

По рассказам очевидцев, лик Богоматери был богато украшен золотом, серебром и драгоценными камнями – «так что дивились все сиянию чудного того образа».

В чем отличие этого изображения Божией Матери от других образов?

На полях помещены арханге-

лы и митрополиты Московские Петр и Иона, в те времена почитаемые как молитвенники о защите стольного града от иноземцев.

Вглядитесь в печальный образ Пресвятой Девы... Не надо быть искусствоведам, чтобы понять и прочувствовать ее внутренний мир, ее боль и грусть...

С первого дня своего пребывания в стенах Иосифо-Волоколамского монастыря икона чудотворит – исцеляет и дарит свет.

Сегодня она хранится в Рублевском музее. В 1954 году икону вывезли из обители, а спустя пять лет она была отреставрирована В. Брягиным. С тех самых пор икона – в собрании московского Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева.

Музей был основан сразу после окончания войны в 1947 году и это символично. Обратимся к истории. В незапамятный XIV век на берегу Яузы был заложен монастырь. Изначально он был сторожевым. И тогда на Руси были смутные времена – набеги золотоордынцев угрожали землям русским. По легенде, во время возвращения московского митрополита Алексия из Византии корабль попал в бурю. Путешествие завершилось благополучно. И Алексий принес молитвы византийской иконе, которая сопровождала их из Константинополя, и пообещал выстроить в честь образа Спаса Нерукотворного монастырский комплекс.

Андроник, ученик Сергия Радонежского, стал первым игуменом монастыря, и именно его имя носит монастырский комплекс по сей день – Спасо-Андроников монастырь. В XV веке монастырь расширяется и на его территории появляется первое каменное сооружение – Спасский собор. Его рописывал иконописец Андрей Рублев.

Андрей Тарковский, режиссер великого фильма «Андрей Рублев», писал: «Русские люди веровали в свою силу, в свое окончательное освобождение. Вот эту веру, это предчувствие перемен выразил в своем творчестве Рублев. Он прозрел утро в самый темный час ночи...»

В XVI веке монастырь в темные «грозные» времена стал пристанищем для преследуемых духовных отцов. Здесь жили новгородский епископ Серапион,

игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий, позже, в XVII веке, во время Раскола здесь до отправки в Сибирь находился в темнице старообрядец протопоп Аввакум. В один период обитель была под покровительством царицы Евдокии Лопухиной, первой жены Петра I.

На прилегающей к монастырю территории можно встретить захоронения еще со времен Дмитрия Донского.

Во время Октябрьской революции многие реликвии Спасо-Андроникова монастыря, в течение шести веков хранившиеся в стенах обители, были уничтожены, похищены, исчезли без следа... «Окаянные» дни всегда все спишут.

Наши современники не увидят ни колокольню Андроникова монастыря, ни церковь Рождества Божией Матери... Время беспощадно и бесповоротно.

Официальное открытие музея было приурочено к 600-летию со дня рождения Андрея Рублева. И нельзя не вспомнить о первом его директоре. Имя Давида Арсенишвили не раз можно встретить на страницах нашего журнала.

Взять на себя обязанности директора в тот период – это уже был смелый решительный поступок. Советская власть не жаловала подобные начинания – все, что имело налет религиозности, обходили стороной и предавали забвению.

Дмитрий Лихачев: «С самым грузинским из грузин я познакомился в Москве, и это было лет тридцать назад. Это был Давид Ильич Арсенишвили – организатор и основатель теперь всемирно известного музея имени Андрея Рублева. На всю жизнь запечатлелся в памяти его облик. Человек уже к тому времени не молодой, к тому же искусствовед, но обладавший «чутьем к искусству», он увлекался древнерусским искусством в ту самую пору, когда оно меньше всего ценилось в нашей стране – в конце 40-х – начале 50-х годов».

Это все о нем. О Давиде Ильиче – бессребренике, который жил при Спасском соборе Андроникова монастыря, многие годы (квартиры у него в Москве не было). И он самозабвенно посвящал себя разъездам по городам России в поиске новых экспонатов для музея. В память о Давиде

Справка пресс-службы музея Андрея Рублева:
«Давид Ильич был человеком широкого кругозора, занимался изучением истории театра, литературы, искусства, был организатором Театрального музея Грузии в Тбилиси и Музея имени Андрея Рублева в Москве, стоял у истоков создания Литературного музея Грузии и музея - заповедника в Астраханском кремле, много отдал сил на изучение истории русско-грузинской дружбы, спас от расхищения, уничтожения огромное количество памятников культуры».

Арсенишвили с 2013 года проводится ежегодная конференция «Россия-Грузия. Диалог культур». К участию приглашаются как российские, так и грузинские научные деятели, а также представители Русской и Грузинской Православных церквей.

6 марта православный мир отметил Прощеное воскресенье. Этот праздник закрывает Масленичную неделю и открывает Великий пост.

Признавать свои ошибки, просить прощения у ближнего всегда не просто. Но раз в год нам дается такая возможность.

Для многих семей Масленица – предвестник Великой Пасхи. Внутренне начинаешь готовиться к светлому празднику Воскресения Господа нашего Иисуса Христа.

Учись прощать,
молись за обижающих,
Зло побеждай лучом добра,
Иди без колебаний
в стан прощающих
Пока горит
Голгофская Звезда...

Учись прощать,
в прощении радость скрыта,
Великодушие
лечит как бальзам,
Кровь на кресте
за всех пролита,
Учись прощать,
чтоб был прощен ты сам.

Борис Пастернак

Мира, любви и добра!

ПЕРВОПРОХОДЦЫ, ПРОСВЕТИТЕЛИ, ПРОФЕССИОНАЛЫ

■ Людмила РАЕВА

*«Человек без честного
рода и потомства, что
хлебное семя, кинутое
в землю и пропавшее
даром в земле»,
- писал Н. Гоголь*

Род, фамилия, родословная – высокие понятия в жизни человеческой, основа основ. Наш рассказ – о знаменитом грузинском роде, в котором эстафета достоинства, таланта и чести передается уже много-много лет: от поколения к поколению.

В любом повествовании, как правило, должна быть некая отправная точка, не так ли? Предлагаю вам переместиться, как это ни удивительно, в далекую заснеженную дореволюционную Россию. И не куда-нибудь, а в самое ее сердце – прекрасный и совершенный в своей красоте Санкт-Петербург. В самом его центре стоит омываемый реками остров, на котором по повелению Петра Первого был разбит парковый ансамбль Летний сад. Однажды, теплым летним вечером, прогуливалась в том парке очаровательная семейная пара с двумя детьми – мальчиком и девочкой. Волею случая находившийся неподалеку император Николай Второй, увидев девочку, замер и, не утерпев, подхватил малышку на руки с возгласом восхищения. По рассказам очевидцев, девчушка была невероятной красоты! Звали ее Ниночка Петриашвили. И кто бы мог тогда подумать, что спустя много лет благодаря ей появится на свет человек, который обогатит грузинскую культуру и оставит незабываемый след в сердцах многих людей?

Время шло, жить в России становилось все сложнее и тяжелее. Грозные тучи предстоящих революционных перемен сгущались, а смута и волнения все нарастали. Наконец, глава семьи Петриашвили принял решение о возвращении на родину, в Грузию. Вот так юная Ниночка и оказалась дома.

В Тифлисе семья поселилась в центре района Вере, в уютном домике близ парка. Поначалу годы, проведенные тут, были безоблачными и радостными – детские воспоминания навсегда остаются самыми светлыми. Нина с братом Василием учились, выросли, из маленькой девочки Нина превратилась в прекрасную юную девушку...

Семья Петриашвили

А сейчас самое время рассказать о замечательном человеке по имени Александр Джалиашвили. Глава большого дружного семейства, он всю жизнь посвятил людям, своей стране и вере. И это не просто громкие слова, тому доказательством – вся жизнь Александра. Посвятив себя служению Господу, Александр до конца своих дней был священнослужителем в Светицховели, а со временем стал настоятелем этого храма, где и был с почестями захоронен. Скольким страждущим помог отец Александр при жизни – подсчитать невозможно, скольким облегчал душевные страдания и дарил веру. В близлежащих от Мцхета деревнях он смог

организовать школы для немущих крестьянских детей. Очень много сил приложил для борьбы за самостоятельность и независимость грузинской церкви. И это действительно составляло смысл его жизни – Александр находил в себе смелость протестовать против существующего положения. Вхождение Грузинской Православной Церкви в состав Русской Церкви предусматривалось на началах церковной автономии. Но очень скоро от автономии практически ничего не осталось, разве что наподобие формы. Таким образом древнейшая Православная церковь Грузии была поглощена Русской со всеми атрибутами гонений и притес-

Нина Петриашвили, Дмитрий Джалиашвили и Мераб Джалиашвили

нений имперского центра над завоеванными территориями: закрытие множества храмов и монастырей, разграбление церковных сокровищ и имущества и, что было самым вопиющим беззаконием, – запрет богослужений на грузинском языке. Протестовало не только грузинское духовенство, но и знать, и крестьяне. Зачастую протесты выливались в восстания.

Уместно будет добавить, что, будучи высокоинтеллектуальным и образованнейшим человеком, Александр Джалиашвили был другом семьи великого Ильи Чавчавадзе. Сколько вечеров провели они вместе, сколько было обсуждено идей и планов! Трагическая гибель Ильи Чавчавадзе 12 сентября 1907 года буквально подкосила отца Александра, но он смог собраться с духом и на похоронах произнес одну из самых ярких поминальных речей...

На дворе 1931 год. В семье настоятеля храма Светицховели Александра Джалиашвили готовились к большому празднику – бракосочетанию сына Дмитрия. И все уже подготовлено – красиво, ярко, празднично! А народу и не сосчитать! Всего пару часов осталось, чтобы Дмитрий обвенчался со своей избранницей. (Искренне надеюсь на понимание читателей, но я не вправе раскрывать имя невесты, ведь, как вы пойме-

те вскоре, это было бы крайне некорректно). Итак, раздаётся праздничный звон, молодые стоят рука об руку, как вдруг взгляд Дмитрия приковывает к себе незнакомая юная особа, стоящая среди прочих приглашенных. И тут наш жених перестал принадлежать себе, дыхание перехватило, и судьба его была решена!

Помолвка расторгнута, свадьба отменена... Скандал,

скажете вы? Но нет, неверно. Отвергнутая невеста достойно вышла из положения и, более того, впоследствии стала верной подругой новой супруги Дмитрия Джалиашвили. Не буду долго испытывать ваше терпение, ею стала та самая девушка, которая гуляла в Летнем саду и потрясла своей красотой русского императора – Нина Петриашвили.

Казалось бы, стоило подождать, чтобы утихли пересуды, но разве возможно было затушить то пламя, что разгорелось на несостоявшейся свадьбе?! Дмитрий и Нина вскоре поженились. А через год у счастливой пары появился на свет первенец – Мераб. Тот самый Мераб, которому в будущем предстояло стать одним из первопроходцев на грузинском телевидении, сказать свое веское слово в театральном искусстве, быть преподавателем, который будет покорять студентов своими интереснейшими лекциями.

И все бы хорошо да складно. Нина растит сына, Дмитрий трудится в Народном комиссариате города Тбилиси. Но время, время? Страшное, черное. 1937-й. Самый «пик» репрессий. Это год, когда были рас-

Гульнара Гоголидзе и Мераб Джалиашвили

Мераб Джалиашвили за камерой

Софико Чаурели, Мераб Джалиашвили и Верико Анджапаридзе

стреляны, исчезли в лагерях партийные деятели, генералы, артисты, писатели и поэты, рядовые граждане.

Один из вечеров маленькому Мерабу запомнился очень четко. Стук в дверь, чьи-то приглушенные чужие голоса за стеной. Чувствительный ребенок замер и понял – пришла беда, правда, масштабы ее в своем возрасте оценить он не мог. Затем мягко отворились двери в комнату, и вошел отец. Внешне спокойный и уравновешенный Дмитрий обнял и прижал к себе сына. Тихо сказал: «Я скоро вернусь, сынок, не бойся ничего».

Дмитрий Джалиашвили не вернулся... Семья осиротела. Мерабу тогда было шесть лет.

Как и многие из так называемых «врагов народа», Дмитрий был впоследствии реабилитирован. Только вот Мераб всю жизнь прожил с глубокой травмой в душе...

Для семьи наступили очень тяжелые времена, и Нина Петриашвили отправила маленького Мераба на воспитание в семью дедушки (главой семьи после смерти Александра стала его супруга Ивлита Чабашвили). Мераб рано научился читать и писать, с детских лет в нем проявлялась творческая личность. Веселый, активный и озорной Мераб мог подмечать вокруг такие детали, которые не видел никто. А любовь к театру, искусству в нем развивали дядя Сандро Джалиашвили,

актер немого кино, снимавшийся в главных ролях у Михаила Чаурели в фильмах «Саба» и «Последний маскарад, и тетя Зизо-Элисабет, которая служила актрисой в Музкомедии, а потом стала суфлером в этом театре. Поэтому неудивительно, что вопрос о будущей профессии режиссера был для Мераба решен с самого начала.

Москва, ВГИК. 1950 год. Здесь уже учились тбилисцы Марлен Хуциев и Сергей Параджанов. Мераб блестяще прошел творческие туры. Приемную комиссию возглавлял Александр Довженко. Ему понравился одаренный юноша из Тбилиси, и мастер записал его на свой курс. Оставалось специальное собеседование. В комиссии сидели двое мужчин, которые внимательно изучали документы Мераба Джалиашвили. Один из них строго спросил: «Почему вы скрыли, что ваш отец «враг народа?» Вот так перед Мерабом захлопнулась дверь ВГИКа.

В 1955 году он окончил режиссерский факультет Тбилисского театрального института, мастерскую Михаила Туманишвили. Свой дипломный спектакль «Обвинение» он поставил в Театре имени А.С. Грибоедова. Главные роли исполнили ведущие актеры театра Павел Луспекаев и Екатерина Сатина. Спектакль вошел в репертуар. Но случайная встреча с Эроси Манджгаладзе, известным актером и спортивным коммента-

тором, кардинально изменила жизнь молодого режиссера. Эроси предложил ему попробовать свои силы на телевидении, о котором в Тбилиси тогда еще мало кто не знал. Да и сами телевизоры были в диковинку.

Поначалу, как водится, трудились на голом энтузиазме, первые программы создавались всего лишь несколькими людьми, а техническая база была до смешного скудна. И вот оно – свершилось! Под руководством режиссера Мераба Джалиашвили 30 декабря 1956 года ровно в восемь часов вечера на экранах телевизоров появилась заставка: «Показывает Тбилисская телестудия!», и началось вещание на Тбилиси. Телевещание длилось два часа 15 минут. Первыми дикторами стали Лия Микадзе и Александра Мачавариани. Это был настоящий прорыв, успех! Механизм был заведен и пошли творческие будни. Нет, неверное слово, ведь будни – это нечто обыденное, а для всех тех, кто стоял у истоков грузинского телеискусства, каждая минута, каждая секунда была яркой и насыщенной великим, не постесняюсь употребить это слово, значением. А ведь надо отметить, что из всех закавказских республик Грузия стала первой, которая начала телевизионное вещание!

Исследуя возможности нового искусства – телевидения, Мераб Джалиашвили с головой

В телестудии

погружается в творческий процесс телевизионной режиссуры и пока не подозревает, что где-то совсем рядом сдает последний выпускной экзамен в школе Гульнара Гоголидзе. Это был 1958 год.

«Не буду кривить душой, точные науки для меня были равносильны каторге. Но что ж поделать, каждому свое,» — с улыбкой рассказывает Гульнара Ираклиевна. Книги, книги — она читала запоем. Литература была смыслом ее жизни. Равно как и киноискусство. Будучи чрезвычайно скромной от природы, девушка лишь в глубине души мечтала об актерстве. И все еще не определившись с профессией, она поступает на работу не куда-нибудь, а на Тбилисскую киностудию. Не знала она, что это будет главный выбор в ее жизни! Итак, знакомство Мераба и Гульнары состоялось. Вначале все ограничивалось профессиональными интересами. Но случайные встречи на киностудии переросли в большее чувство. Молодые расписались и до самой кончины Мераба Дмитриевича неразлучно были вместе. Гульнара Ираклиевна была первым слушателем и помощником в осуществлении всех творческих задумок супруга. В 1962 году в семье родился мальчик, которого в честь дедушки назвали

Дмитрием. Мераб развивал в сыне фантазию, учил видеть «в обычном необычное», Гулико (так ласково называют близкие Гульнаре Ираклиевне) возила сына в Ленинград, где завораживающая атмосфера Эрмитажа произвела неизгладимое впечатление на юношу.

Многое можно было бы рассказать об этой красивой и, поверьте, очень колоритной паре. Но хочется добавить одно. Даже сейчас, спустя годы после кончины батони Мераба, беседуя с его супругой начинаешь испытывать необычное чувство — становится тепло на сердце, и ты осознаешь, насколько условна смерть, потому что пока на свете жива вторая половинка, то ушедший остается в памяти как живой — благодаря воспоминаниям и любви...

Мы не будем перечислять все работы Мераба Дмитриевича, жизнь которого была чрезвычайно насыщенной и плодотворной. Его абсолютно справедливо и заслуженно считают первым режиссером-профессионалом грузинского телевизионного кино — подтверждением тому являются поставленный им в 1959 году первый телевизионный спектакль «Старички» с Сесилей Такаишвили и Сандро Жоржоллиани и первая теленовелла «Рука матери» с Имедой Кахи-

ани. Но, к сожалению, не таким уж долгим был его жизненный путь. Мераб Дмитриевич скончался 21 июня 1998 года, когда ему было всего 67 лет... И, к великому сожалению, придется отметить, насколько были омрачены последние годы жизни режиссера. Ведь 90-е — тяжелейший период в истории Грузии, когда разруха и упадок поглотили все сферы жизни, коснулись и национального телевидения. Тяжело, очень тяжело было Мерабу Дмитриевичу наблюдать как чахнет его любимое детище...

26 марта — день рождения этого замечательного человека. Его помнят все без исключения — родные, друзья, коллеги. Иначе и быть не может. Я посмею добавить лишь то, что мне лично посчастливилось быть знакомой с Мерабом Дмитриевичем. Более того, посчастливилось быть его студенткой на факультете журналистики в ТГУ, где он преподавал тележурналистику. Не было ни одной его лекции, чтобы на нее не приходили студенты с совершенно разных факультетов. Физики, химики, будущие лингвисты и литературоведы — кто только не рвался на наши занятия, лишь бы послушать Мераба! Спросите, почему? Да просто потому, что каждая его лекция превращалась в изумительную, незабываемую театральную постановку! Яркая манера преподавания, нестандартность мышления, острая речь, полная тонкого юмора, и — энергия, энергия и еще раз энергия! Человек-праздник, человек-фейерверк, педагог с большой буквы — вот каким он навсегда остался в моей памяти и в памяти всех, кто когда-либо пересекался с батони Мерабом.

Невольно приходит мысль о том, как причудливо складываются человеческие судьбы... И так обидно, что иногда сами люди подзабывают неповторимую историю своей семьи. А разве сложно оставить все свои дела, устроиться одним уютным вечерком на диване, включить торшер и взять в руки старый, потемневший от времени семейный альбом?..

**Дом-музей Александра Чавчавадзе в Цинандали. Кахети.
Архитектор – Александр Озеров**

Гомисмта. Гурия